

Библиотека / Абсолют

Михаил

Гастаров

История мировой культуры

ЗАПИСИ И ВЫПИСКИ
ПЕРЕВОДЫ

ЖИЗНЬ ДВЕНАДЦАТИ ЦЕЗАРЕЙ
РАССКАЗЫ ГЕРОДОТА
О ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙНАХ
И ЕЩЕ О МНОГОМ ДРУГОМ

Librar Absolut

Библиотека «Абсолют»

Михаил Гаспаров

История мировой культуры

«Издательство АСТ»

2017

УДК 930.85
ББК 71.0

Гаспаров М. Л.

История мировой культуры / М. Л. Гаспаров — «Издательство АСТ», 2017 — (Библиотека «Абсолют»)

ISBN 978-5-17-103380-4

Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) — выдающийся отечественный литературовед и филолог-классик, переводчик, стиховед. Академик, доктор филологических наук. В настоящее издание вошло единственное ненаучное произведение Гаспарова — «Записи и выписки», которое представляет собой соединенные вместе воспоминания, портреты современников, стиховедческие штудии. Кроме того, Гаспаров представлен в книге и как переводчик. «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла и «Рассказы Геродота о греко-персидских войнах и еще о многом другом» читаются, благодаря таланту Гаспарова, как захватывающие и увлекательные для современного читателя произведения. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 930.85

ББК 71.0

ISBN 978-5-17-103380-4

© Гаспаров М. Л., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

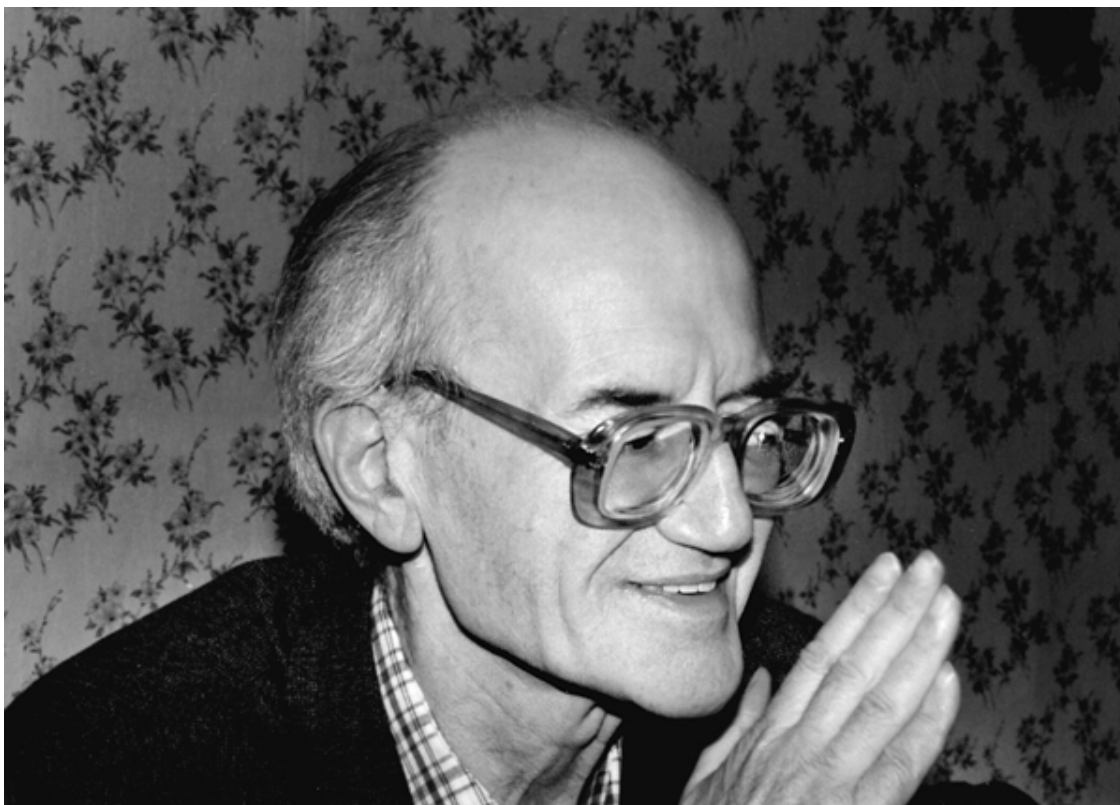
Записи и выписки	6
I	6
От А до Я	6
II	59
Моя мать	59
Мой отец	60
Мое детство	62
Война и эвакуация	63
Школа	65
Джон Милтон. Ликид	67
Университет	73
Имли	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Михаил Гаспаров

История мировой культуры

© А.М. Зотова, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005)

Записи и выписки

*моей жене Алевтине Михайловне Зотовой с благодарностью за
всю жизнь и на всю жизнь*

I

От А до Я

*У этой книги 200–300 авторов,
из которых я выбрал фразы,
показавшиеся мне справедливыми.
Стендаль. Жизнь Наполеона*

*Разночинцу не нужна память,
ему достаточно рассказать о книгах,
которые он прочел, – и биография готова.
О. Мандельштам. Шум времени*

А. «Если ты сказал **А** и видишь, что ошибся, то говорить **Б** не обязательно», – говорит персонаж у Брехта (кажется, в «Ja-Sager»). Не надо делать культа даже из верности самому себе. Впрочем, еще раньше говорилось: сказав **А**, не будь **Б**.

АВАРИЯ. «Христианство, а потом раскольниковство начинались в расчете на скорый конец света, а потом переходили на аварийный режим: это и был мораторий страшных судов».

АВТОПАРОДИЯ. У Пушкина в «Оде Хвостову» стих «А ты глубок, игрив и разен» копирует собственное «К морю»: «Как ты, могущ, глубок и мрачен». А из стиха «Прощай, свободная стихия» получилось «Прощай, любезная калмычка»; из «И блеск, и тень, и говор волн» – «И блеск, и шум, и говор балов», а из «Твой грустный шум, твой шум призывный» – «Мой первый друг, мой друг бесценный». Редкое скопление реминисценций.

АВТОПАРОДИЯ. («Онегин» как автопародия южных поэм и т. д.). Не казался ли Пушкину «Беппо» автопародией «Дон-Жуана»?

АВТОРИТАРНОСТЬ. Когда Бахтин пишет: «Тургенев не понимал, что такое настоящий роман», это похоже на марксистское «Пугачев не понимал, что такое настоящая революция».

АД. Вл. Соловьев: «Государство существует не затем, чтобы создать на земле рай, а затем, чтобы не дать ей превратиться в ад».

АД. На обсуждении диссертации в отделе теории ИМЛИ было сказано: «Так как Блейк был порождением ада, то не следует изображать его вдохновителем английского романтизма». Мне показалось, что это всерьез.

АДАМ. В начале XVIII в. объявили, что нашли список сочинений Адама, и среди них... «Всемирную историю».

АКТУАЛИЗАЦИЯ. второстепенных значений слова, по Тынянову, – это все равно что читать книгу, при каждом слове вспоминая весь набор его значений из толкового словаря. Приблизительно так работают искатели подтекстов. А еще более современные вместо толкового словаря смотрят в «Мифы народов мира».

АКЦЕНТ. Н. Трубецкой говорил: идеи Марра становятся менее бредовыми, если читать его статьи с грузинским акцентом (а Э. Чансес говорила, что «Улисс» понятнее с ирландским акцентом). А. Долинин: «Набоков отгораживался от американской культуры: в магнитофоне у него британский акцент попеременно с русским».

АНАГРАММА. «Поиски анаграмм – художественная работа: нужно, чтобы после тебя уже нельзя было ее не заметить», – сказал О. Ронен (по поводу того, что «Анчар» – сублимация от «саранча», на которую его послал «князь» Воронцов).

Была детская игра: из букв длинного слова составлять короткие слова, кто больше составит. (М. Ю. Лотман сказал, что у них в школе такая игра называлась «словяга».) Сколько можно составить слов из четырех и более букв из слова «электростанция»? Оказывается, более 200. Поэтому мне не казалось странным, что из любого четверостишия можно вычитать какую угодно анаграмму. Однако думалось, что не зря же этим увлеклись большие ученые; хотелось проверить. В. С. Баевский написал мне, что готовит для блоковской конференции доклад об анаграммах у Вл. Соловьева. Я спросил: «По каким стихотворениям? Хочу попробовать сам, а потом свериться». Он назвал. Я взялся за первое (не помню какое), стал высчитывать особо частотные буквы, и из них безоговорочно сложилось слово «масло». Тут я понял, что хоть анаграмма, может быть, и великое дело, но мне оно противопоказано. (Работа Баевского напечатана в сб. «Целостность художественного произведения и проблемы его анализа...», Донецк, 1977; ср. Блоковский сборник, III.) Это была та самая конференция, где Тименчик сказал: «Если наша жизнь не текст, то что же она такое?»

кстати сказать
сукин ты сын
кто тебе сказал
что ты
текст?

Вс. Некрасов

Что анаграмма все-таки великое дело, меня обнадеживает Свифт, который в третьей части «Гулливера» уже издевался над этим методом; а Свифт гениально выбирал для издевательств только самые перспективные идеи во всех науках: всемирное тяготение, кибернетические машины, хлорофилл, мозговые полушария...

В детской книжке были головоломки: слова с переставленными буквами, восстановите слово – что такое «сляратюк»? «цинемаль»? «кечелов»?.. (кастриля, мельница, человек).

АНАКРЕОН. («А мне бы стать рубашкой, / Чтоб ты в меня оделась, / А мне бы стать водицей, / Чтоб мною ты умылась...»). Ему подражала Цветаева: Штейгер был богат, но она купила и послала ему куртку с запиской: «Я хотела бы быть этой курткой» (С. Карлинский).

АНАНАС. был нецензурным словом после одного манифеста 1900 г., где абзац начинался: «А на нас Господь возложил...» (Ясинский).

АНЕКДОТ. (одноклеточный, простейшая схема): Телефонный звонок: «Это номер такого-то?» – «Нет» (вариант: «У меня и телефона-то нет»). – «Тогда чего вы берете трубку?».

АНЕКДОТ. Я сказал сыну: я – тот козел, которого в анекдоте вводят в тесную комнату, чтобы потом выгнать, и людям стало бы легче. Сын, привыкший ко всему, сказал: «Никогда не мог подумать об этом с точки зрения козла!»

АННА КАРЕНИНА. «А ты трудись, я тебе помогу, вон Анна Каренина семь раз переписывала «Войну и мир»...» (Л. Рахманов). Естественно, потому что ритм имен одинаковый. Знаменитую хабаровскую железнодорожную станцию Ерофей Павлович я оплошно называл *Ерофей Маркович* (а собеседники мои – *Ерофей Петрович*).

АПОЛЛОН. «Слог пиитический и аполлиноватый» хотел видеть в поэзии В. Тредиаковский.

АРИСТОТЕЛЬ. «Нехорошо читать опровержения Маймонида на Аристотеля, потому что человек засыпает над Аристотелем, не дочитав до опровержений». Эту хасидскую мудрость учитывали и при советской власти, но тоже непоследовательно.

АРХАИСТЫ И НОВАТОРЫ. Жуковский раздражал Тютчева тем, что был новатором, не будучи архаистом, а провинциал Тютчев ценил архаизм.

АРХИВ. Человек – точка пересечения социальных отношений. Вяземский об этом сказал: «Бог не дал мне фасы, а дал много профилей». Виднее всего это в архиве, где образ человека вырисовывается из писем к нему от разных лиц. Повесть об этом написал Апухтин. Человек в литературе – совокупность фрагментов, соответствующих этим отношениям. В традиционалистической литературе они располагались синхронистической мозаикой, в так называемой реалистической стали располагаться в диахронической перспективе: «Блажен, кто смолоду был молод...» и т. д.

АРХИПЕЛАГ. «Жаботинский, как Гарибальди, представлял человечество архипелагом, где каждый народ – отдельный остров».

АРХИПЕЛАГ. Э. Панофский писал: образованность немецкого студента – архипелаг цветущих островов, разъединенных безднами невежества; образованность американского – мощное сухое плоскогорье.

АССИГНАЦИИ. Щедрин писал в письме: «Говорят, будут продавать ассигнационную говядину, которая будет относиться к настоящей так же, как ассигнационный рубль к настоящему. Но если мы и дальше будем печатать ассигнационные стихи г-на Боровиковского, то журнал наш долго не продержится» и т. д. (цит. по памяти).

АУТЕНТИЧНОСТЬ. Набоков вносил изменения в свои поздние английские автопереводы и объявлял их самыми аутентичными, чтобы они быстрее нашли разноязычных переводчиков, чем если бы с русского. А А. Н. Толстой переделывал «Гиперболоид» (и пр.) для

каждого переиздания ровно настолько, чтобы получить гонорар, как за новый текст. Когда планировали объем нового академического издания А. Толстого со всеми вариантами, об этом никто не подумал.

АФОРИЗМ. – «мысли вприкуску» (источника не помню). Жанр, в котором великие люди состоят при собственных изречениях.

АХИЛЛ. Издательская марка на книге: черепаха, а вокруг надпись: «Следом следует Ахилл».

БАБОЧКИ. «Его эпитеты и метафоры, как бабочек, можно накалывать на булавки» (рец. на Набокова в «Современных записках»). В «Strong Opinions» он отмечает, что бабочек коллекционировал Марат. Я вспомнил апокрифический херсонский сборник футуристов «Бабочки в колодце» / «Рыбочки в колодце».

БАЗАРОВ. Ю. Даниэль говорил: «Чем же плохо, что из человека будет лопух расти? Большой сочный лопух, которым прикроет голову от солнца красивая женщина». А Чуковский в детстве мать сказала, когда он потерял ее рубль: «Что ж, подумай, как обрадуется тот, кто его найдет».

БАШНЯ. «Не поэты, а публика живет в башне из слоновой кости», – цитирует Берберова Кл. Брукса.

БАШНЯ. «По-французски – башня из слоновой кости, а по-русски – келья под елью», – переводил М. Осоргин.

БЕДНЫЙ. «Упрощенность стихов Демьяна Бедного превзойдена лишь упрощенностью обычного изучения их» (из статьи о нем).

БЕДНЫЙ. Слонима называли Мирским для бедных. «Для очень бедных», – поправлял Адамович.

«БЕЗНАКАЗАННОСТЬ. – промежуток между преступлением и наказанием» (А. Бирс).

БЕЗУКОРИЗНЕННО. Стихи харьковского поэта: «Хотел бы написать стихи я / Безукоризненно плохие, / Чтоб Раскин написал пародию / И тем прославился в народе я». В самом деле, какая редкость – безукоризненно плохие стихи! Впрочем, Ахматова говорила, что из каждого поэта можно отобрать книжечку безукоризненно плохих стихов. Подразумевала ли она исключение для себя?

БЕЛЕСОВАТЫЙ. Последние слова Тургенева: «Прощайте, мои милые, мои белесоватые». А у Толстого: «Не понимаю» (есть варианты). Ибсен, пролежав несколько лет в параличе, привстал, сказал: «Напротив!» – и умер. О. Люмьер, в 92 года (1954): «Моя пленка кончается». Кант: «Das ist gut». Ср. у Юшневского на могиле в Иркутске: «Мне хорошо. – последние слова покойного». Наоборот, Ахматова, после камфоры: «Все-таки мне очень плохо». Н. Я. Мандельштам к сиделке: «Да ты не бойся». Последние слова Эйнштейна остались неизвестны, потому что сиделка не понимала по-немецки.

БЕЛКА. «Как живете?» – «Как все». – «Полоса черная, полоса белая?» – «Нет, пожалуй, колесо так быстро вертится, что они сливаются в очень серое».

БЕЛКА. «Я готов быть белкой в колесе, но не в ста же колесах» (из письма).

БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ. И. Аксенов (в письме к С. Боброву): когда был у Пикассо, то сказал: «Что ж вы меня не спрашиваете о белых медведях, вы ведь полагаете, что они у нас по улицам бегают?» – «Нет, не полагаю, тогда бы их шкуры дешевле стоили; а то я хотел подарить одной даме, но цена – не подступишься! – И, помолчав, с надеждой: – Ну, а волки-то хоть бегают?»

БЕЛЫЙ. Вера Станевич писала ему, что они с подругами на спиритическом сеансе вызвали его дух и он продиктовал им стихи [очень плохие]: «Люблю солнце, Шопэна, Пшибышевского и шоколад. Когда встречаю Вас на улице – восклицаю: это Андрей Белый!», просила авторизовать. Потом приходила к нему под видом своей сестры, потом присылала открытку «22-го. Отчего? Вера» и т. д. (указано Н. А. Богомоловым). Это напомнило мне рассказ Нины Всеволодовны Завадской о том, как она познакомилась с Пастернаком: «на пари: “А вот слабо тебе позвонить Пастернаку, Шервинскому или Любошицу!” – сказала Ксения Коган; я тут же позвонила, сказала: “Я не могу сейчас объяснить, почему я вам звоню, но потом объясню”». Потом разминовывались; вернувшись из Марбурга, он сказал ей: «Знаете, боюсь, что вы опоздали... Выходите за Костю Локса, он очень хороший человек». Потом они дружили. Когда начинался дождь, Пастернак звонил ей, и они выходили гулять по Пречистенскому бульвару. Локсу был посвящен «Близнец в тучах», *Поллукс* – его анаграмма.

Сон в Петрозаводске. На букинистическом прилавке – книги: сборник Юнны Мориз, изданный за год до ее рождения; одностомник Мандельштама в изд. «Федерация», 1933, со статьей Тарасенкова, оранжевая серийная обложка, крупный шрифт, последнее стихотворение – «Держу пари, что я еще не умер ...»; «Под сенью девушек в цвету», роман Милонии Пац, переплет желтый; П. Тычина, «Заметки о переводческом мастерстве: литературные курьезы, часть 3»; Ю. Герман, «Рассказы о майоре Г.», Л., «Сов. писатель», 1940. Я стою перед этим прилавком рядом с майором Г., он обменивается с продавцом непонятными словами о том, что, по моему разумению, должен знать и сам; а его вспомогательный лейтенант в это время за окном идет по следам неизвестного преступника, только что на наших глазах купившего в соседней лавке бидон керосину, чтобы поджечь в гавани шлюп «Диана», отправляющийся в кругосветное путешествие...

«**БЕРБЕРОВА** не любила Пушкина». – «Несмотря на Ходасевича?» – «Именно из-за Ходасевича. Она очень старалась идти в ногу со временем: даже Ходасевича не объявляла великим поэтом, пока к ней сами не потянулись интересующиеся. Но неприязнь к Пушкину была прочна» (разговор с Роненом).

БЕРДЯЕВА, Набокова и Камю сотрудница купила в селе Ночной Матюг близ Мариуполя. Был 1989 г. «Населенные пункты, названия которых можно произносить разве что в Государственной думе», – говорилось в фельетоне «Летописи» 1916 г.

BILDUNGSROMAN. Считается, что развитие личности пришло в литературу с христианством: обращение преображало человека. Однако такое преображение было уже у Светония: приход к власти изменял Августа и Тита к лучшему, а Тиберия и Домициана к худшему. А есть ли развитие героя в «Гэндзи», где он все время движется по служебной лестнице и меняет

имена-звания? («Римляне открыли понятие карьеры, – сказал В. Смирин, – афинянин к каждой новой должности шел от нуля, римлянин – от предыдущей должности».) Для Бахтина, конечно, нет; а для японца?

БЛАГО. А местный священник даже всенародно однажды выразился, что душа ее всегда с благопоспешением стремится к благоутешению ближнего, а десница никогда не оскудевает благоготовностью к благоукрашению храмов Божьих. Но Марья Петровна и сама знает, что она хорошая женщина (Салтыков-Щедрин).

БЛАГО. Во благоприсноувеселении и во всяких присноденственных благоключимствах с благопрозябшими от тебя чады твоими благодетельми моими во многочисленные веки здравствуй (письмо 1695 г. из Азовского похода, «Русская старина», 1894, № 74, с. 247).

БЛАГОУТРОБИЕ.

БЛАГОУТРОБИЕ. «С цесарекралеvским благоутробным дозволением» – подзаголовок в «Славеносербских ведомостях».

БЛИЗ. Курс лекций «Античность в русской поэзии конца XIX – начала XX в.» приходилось начинать «Спором философов об изящном», а кончать «Древней историей по “Сатирикону”». Вся поэзия укладывалась в эти рамки. «Голливудская античность», – сказал завкафедрой. Пушкин написал: «Феб однажды у Адмета близ угрюмого Тайгета», и отсюда явился Тайгет у Мандельштама, хотя от Адмета до Тайгета – как от Архангельска до Керчи. («Ассоциация со словом “тайга”», – сказал О. Ронен.)

БОГ. «Пора не о человеке, а о Боге подумать». А Ему это нужно? Тогда я готов. Но если бы я был Богом, я не хотел бы, чтобы обо мне думали. Так рассуждал Эпикур.

БОГ. В кружке Н. Грота и Вл. Соловьева тайным голосованием решали, есть ли Бог; большинство было в один голос (письма Вл. С.).

БОГ. В. В. Розанов одним инициалом обозначал Бога и Боборыкина.

БОГ. Добрая старушка, умирая, говорила: «Да будет вознагражден Господь Бог за его милости ко мне» (Вяземский. Старая записная книжка).

БОГ. Киплинг после «Recessional» боялся, что его поймут как проповедь мирной политики. Так Цветаева в «Бог прав <...> вставшим народом» сказала больше, чем хотела, и делала испуганную приписку, что понимать надо наоборот.

БОЗ. Статья С. Куняева в «Слове», 1989, № 12, про Л. Войно-Ясенецкого, «окончившего свой путь в бозе и в звании архиепископа Крымского», – судя по маленькой букве, это не Бог, а что-то другое. В той же статье была фраза: «но в ответ, несмотря на новые времена, опять услышал постылые кивки в прошлое» (с.6).

БОЛЕЗНЬ. «Чтобы болезни не очень мешали работе, а работа болезням» (из новогоднего письма). «Болезни земли» Пастернака – от сентенции «У земли много болезней, одна из них – человек».

БРЮСОВ-критик умел откликаться даже на книги, которых не было: «Вчера, сегодня и завтра...» (VI, 507): «как стихотворец, решительно ниже себя во всех своих новых стихах был и А. Белый («Королевна и рыцари», 1921; «Первое свидание» 1921; «Зовы времен», Берлин, 1922, и др.)».

Умер великий Брюсов,
Но он оставил в жизни много плюсов.

(Рабкоровские стихи, цит. в «На лит. посту» за 1925 г.)

ВЕРА. В «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина Редедя рассказывает о Египте: арабы верят в аллаха, а феллахи – во что прикажут. Точно таково было государство и у Платона, и у св. Владимира.

ВЕРБЛЮД. «Ulbandus Review», славистический журнал Колумбийского университета: заглавие – готское слово, которым Ульфила обозначал элѣфанта, а в славянском оно дало верблюда. К символике взаимопонимания России и Запада.

ВЕРЛИБР. «Гитара спасла русскую поэзию от верлибра», – сказал В. М. Смирин.

Отец у танца – ритм, а мать его – работа;
Работа, следственно, есть бабушка фокстрота.

Неизд. эпиграмма Б. И. Ярхо

ВИЙОН. А вдруг Вийонова прекрасная кабатчица, плачущая о молодости, вовсе никогда и не была прекрасной и это плач о том, чего не было? Так Мандельштам, по Жолковскому, пьет за военные астры, зная, что вина у него нет.

ВКУС. Не принимать плохое настроение за хороший вкус.

ВКУС. З. Гиппиус писала Адамовичу: «Сириня я, извините, не читала: отчасти по недостатку времени, отчасти из страха: а вдруг мне понравится? Понимайте это, как знаете». Сам же Набоков (будто бы) считал первоклассными писателями Ильфа с Петровым, Зощенко и Олешу, а второсортными – Элиота и Паунда (Strong Opinions). А в письмах хвалил Багрицкого и Сельвинского.

ВЛАСТЬ. Первым стихотворением Брюсова, которое я прочитал, было: «Власть, времени сильней, затаена / В рядах страниц, на полках библиотек...» Когда в серии «Мастера перевода» выходил сборник Брюсова и нужно было название из автора, я предложил: «Власть, времени сильней». С. Щуплецов сказал: «Нет, про власть не надо». Под стеклом на столе у него лежали фотография Солженицына и надпись: «Моя дочь, уезжая, сказала: не могу жить в стране, где жестоко относятся к животным и к людям». Сборник озаглавили «Торжественный привет» – хотя это было из перевода мрачного французского стихотворения Тютчева, которое кончалось: «Торжественный привет идущих умирать».

ВНЕШТОРГ. был при Петре, ГПУ при Малюте, колхозы при Аракчееве, комсомольцы и выдвиженцы образовывали служилое сословие, а запрет на выезд был и при Грозном, и при Николае I.

ВОЗВЕДЕНИЕ В СТЕПЕНЬ. «Что отличает человека от животного? Being aware of being aware of being» (Набоков, «Strong Opinions»). Больше всего это похоже на парафразу Декарта у малоуважаемого А. Бирса: «Я мыслю, будто я мыслю, – стало быть, я мыслю, будто я существую».

Ворону хвалит мир,
Когда у ней во рту бывает сыр.

Граф Хвостов

ВОЗРАСТ. У внушки – кризис трехлетнего возраста. «А у нас говорят о horrible two's», – сказала знакомая американка. Это Россия, как всегда, отстает в онтогенезе, как в филогенезе (впрочем, по мнению нынешних психологов, у детей нет года без кризиса).

ВОЙНА. «Для Ленина, по Клаузевицу, политика – продолжение войны другими средствами» (М. Вишняк в «Современных записках»).

ВОЙНА. «Революция завершает неудачную войну, война – удачную революцию».

ВОЛОСТЬ. Modern parochial states, – выражался Тойнби; волостная великодержавность, вот чего хочется некоторым деятелям. (Журнал «Слово», 1989, № 12, с нападками на Сахарова, вышел через несколько дней после его смерти. «Они не знали, что управились и без них», – сказала А.)

ВРЕМЯ. В тюркских языках будто бы есть время: недостоверное прошлое.

ВРЕМЯ. Сабанеев, вспоминая башню Вяч. Иванова, удивленно писал: «... по-видимому, у всех нас было много свободного времени». Степун в «Современных записках» подтверждал: «У писателей, поэтов, публицистов, профессоров, присяжных поверенных и артистов было очень много свободного времени». М. Е. Грабарь-Пассек, дивясь толстым томам патрологии Миня, говорила: «Как только они успевали? впрочем, у них не было заседаний...» Я отвечал: «Зато какие долгие службы приходилось отстаивать!»

– **ВЦЫ.** «Не случайно ведь толстовцы были, а Достоевцев не было».

Из Г. Грасса (конспективный перевод):

*Пророки сидели по тюрьмам.
Саранча летела и села.
Наступил экономический кризис.
Тут вспомнили про мед и акриды.
Пророков выпустили на волю.
Их было три тысячи триста.
Они говорили речи,
Утоляя голод саранчою,
А народ их трепетно слушал.
Скоро кризис был ликвидирован,
И пророков вернули в камеры.*

ГАДАНИЯ. К. вырезывал из газетных объявлений слова, склеивал в непонятные фразы, приклеивал на стенах комнаты, из-под потолка висела стрелка на нитке, каждое утро он раскручивал ее и вдумывался в указанную фразу (Белоусов. Литературная Москва).

ГАЛЕН. писал: старику вреднее всего молодая жена и хороший повар.

ГЕГЕЛЬ. Сухово-Кобылин в старости не узнавал родственников, но о Гегеле говорил не сбиваясь (Измайлов).

ГЕНИЙ. Моцарт говорил о Бомарше: «Он же гений, как ты да я», а Пастернак писал Д. П. Гордееву о Божидаре: «Он же ничтожество, как вы да я».

ГЕРБ. Сын сказал: гербом Москвы был, собственно, не св. Георгий, а «московский ездец», без нимба, чтобы не сквернить святое государственным (сейчас чувства противоположны); потом, что меньше известно, обелиск Свободы на скобелевском месте; позже, в 1990 г., среди проектов – памятник Долгорукому. «В девизе можно написать: свято место пусто не бывает», – сказал я. «Ленинградцы обидятся», – возразил сын.

ГИГЕС. пораздумал и предпочел остаться в живых» – самая психологически богатая фраза Геродота (I, 11).

ГОЛОВА. Выписка Эйзенштейна из Гране: в Китае человек называет свой рост только по плечи, потому что на плечах поклажа, а голова солдату не нужна.

ГОРЛО. Е. В. А. заметила, что от отвычки от русских разговоров у нее болит горло, а когда привыкала к французскому языку, болели лицевые мышцы.

ГРЕХ. Она же спрашивала знакомого священника (библиографа по призванию), с какими грехами люди приходят на исповедь. Он ответил: «Один сказал: накричал на канарейку...» Это или святой, или, наоборот, великий грешник, предпочитающий вспоминать пустяк, чем затаенное (от себя же) бывшее душегубство.

ГРЕХ. «А какой самый большой грех, по-вашему? – Самосовершенствование, – сказал гнутый, – без боли другому не обходится» (Ремизов. Мартын Задека).

ГРОБ. В Китае на гробовых лавках написано: «Товар долговечности» (В. Алексеев).

ГРУДЬ. Смерть спасла Гумилева от участи Брюсова, которому кусали грудь, оттого что зубки выросли. «“Памятник” Брюсова напоминает мне памятник Скобелеву», – писал И. Аксенов С. Боброву.

ГУСИНЫЕ ПЕРЬЯ: ими писали еще Клемансо и Анатоль Франс.

«“ДА!”» – сказала она с мукой. – “Нет!” – возразил он с содроганием. – Вот и весь ваш Достоевский!» – говорил Бунин Адамовичу. О. Ронен сказал: «Вы думаете, Набоков написал «Дар» ради Чернышевского? Ему интересно было, почему вся Россия любила убогого Чернышевского, чтобы понять, почему вся Европа любит убогого Достоевского». (А потом в свой решающий момент Набоков сам воспользовался приемом Достоевского. В русской эмиграции он был элитарный писатель, а в Америке такой элитарностью никого было не удивить. Тогда,

подобно тому как Достоевский взял криминальный роман и нагрузил психологией, Набоков взял порнографический роман и нагрузил психологией; получились «Лолита» и слава.)

ДАЛЬТОНИЗМ. Николай I не различал некоторых цветов: на чертеже он спутал Днепр с шоссе, а Клейнмихель за это кричал на инженеров.

ДАТА. К. Пигарев доказывал, что такое-то стихотворение Тютчева написано летом, потому что в нем описано лето. Хотя Фет, по точным датам, писал о весне в январе, а у Ахматовой «Мартовская элегия» написана в феврале.

ДВАДЦАТЬ. Жирмунский говорил, задумавшись среди лекции: «Через 20 лет пошлость становится стилем». Хочется добавить: а стиль пошлостью. Таков сейчас сталинский соцарт.

ДВОРЯНСТВО. Гете: его «уездная жизнь предводителя литературного дворянства» (выражение Алданова).

ДЕБЕЛЫЕ ХОЗЯЙСТВА. немцев-колонистов. А ведь сначала Потемкин хотел было заселять Новороссию импортными английскими каторжниками (Кизеветтер).

14 ДЕКАБРЯ. После первого залпа на Сенатской площади было странно тихо: с близкого расстояния картечь поражала смертельно, без стога (свидетельство современников).

«**ДЕЛЕЖ.** бывает опасен: вот если бы св. Мартин разрубил не плащ, а штаны?..» – сказал И. О.

ДЕТИ. Анахарсис на вопрос, почему не заводит детей, сказал: из любви к детям (Стобей, III, 120).

ДЕТИ. З. Гиппиус писала в 1924 г., что кроме отцов и детей всегда есть дядья и племянники – не детьми же были Блок и Белый Брюсову и Бальмонту, а Есенин с Маяковским – Блоку. Марину Цветаеву Бальмонт называл своей литературной падчерицей.

ДЕТИ. М. Цветаева (по Белкиной, с. 322): вначале дети родителей любят, потом дети родителей судят, потом они им прощают. Это она повторяет сентенцию Тэна (заметил К. Душенко), переименованную потом Уайльдом.

ДЕТИ. Меншиков говорил о Клейнмихеле: достроенный Исаакиевский собор мы не увидим, но дети увидят, мост через Неву мы увидим, но дети не увидят, а железную дорогу – ни мы, ни дети (Вяземский).

ДЕТИ. Отцу новорожденного дают каши перловой с горчицей, перцем, хреном, солью, уксусом по ложке под сахаром, чтобы несколько помучился, как роженица (А. Терещенко. Быт русского народа). Родители крещаемого не присутствуют при крещении. «Почему?» – спросил некто. «Должно быть, чтобы совесть не зазрела», – отвечал священник (Вяземский).

ДЕТИ. У А. Б. Куракина от разных любовниц было их около семидесяти («Рус. Старина», № 61, с. 213). Филарет за это отказался от похвального слова над ним.

ДИАЛЕКТИКА. «Так как НН был диалектиком, т. е. хорошо понимал разницу между трупом и не-трупом, то он побежал по улице зигзагами и пригибаясь» (С. Бобров. Восстание мизантропов). Моя десятилетняя дочь, услышав это, сказала: «Неправда, при мизантропах ружей не было». Она имела в виду питекантропов. Декан филфака в Киеве имел прозвище: Псевдантроп.

ДИАЛОГ. – быстрые обмены ролями между камнем и скульптором: то я его – долотом, то он меня – долотом.

ДИАЛОГ. со студентом: он распускает хвост, я подставляю ему зеркало.

ДИАЛОГ. «Для меня в диалоге межсубъектного нет: я в диалоге только быстро меняюсь из субъекта в объект и обратно. При этом я – субъект, когда слушаю и от этого преобразовываюсь, а не когда говорю и влияю. Так же можно преобразовываться и в общении с камнем или «уважаемым “шкафом”».

ДИАЛОГ. Книги А. Зиновьева – образцовая модернизация жанра платоновского диалога. Как она непохожа на то, что под этим имел в виду Бахтин.

ДИСЦИПЛИНА. партийная. Когда Якобсона спрашивали, кто пять лучших поэтов после Блока, он говорил: «Хлебников, Маяковский, Мандельштам, Пастернак, а пятый... – и потуплялся: – Асеев, но, если кто скажет – Кузмин, спорить не буду» (от К. Тарановского и О. Ронена).

Сон сына: как русская литература строила теремок. Лев Толстой стены клал, Достоевский балки накладывал (голос: «с петельками!»), Островский столбы становил, Некрасов гвоздики забивал, А. К. Толстой генералов на стенки вешал, Чехов лавочки ладил, Лесков печку клал (голос: «а Ремизов в трубу вылетал!»), Блок стекла стеклил, Брюсов конька на крышу ставил, Гиппиус щели конопатила, Есенин лики писал, Горький огород городил (голос: «а Скиталец в ворота стучал!»), а Маяковский пришел и все разорил.

ДЛЯ. «Пишу это для Вас, а не для читателей. Пусть для них я останусь посрамленным. Это делу не вредит» (Б. Томашевский – С. Боброву, май 1916, РГАЛИ, 2554, 1, 66). Ср. А. П. Квятковский в письме 26.03.1948 о своем «Словаре»: «... пусть уж быют меня, меньше тумачков достанется другим, кто втянется в это малоблагодарное дело».

ДОБРЫЙ. «Время такое, что легче быть талантливым, чем добрым».

ДОБРЫЙ. Алданов о Прусте: мемуаристы в голос пишут, какой он был добрый, но прочитав его, уже не думаешь, есть ли на свете хорошие люди, а только – есть ли нормальные («Современные записки», 1924, № 22).

«Зло, безнадежно, безысходно добр» был Добычин (Каверин. Эпилог).

ДОБРОДУШНЫЙ. С. П. Бобров в «Интернац. литературе» (1940, № 7–8, с. 266) цитирует предисловие Фета к Катулле – как Пушкин «сам добродушно признавался»: «И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Кто сейчас мог бы расслышать в этом «добродушие»?!

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ. Ибсену поклонился незнакомый молодой человек на улице, Ибсен сказал: «Юноша, я вас не знаю, но по лицу вижу вашу великую будущность». На другой день молодой человек опять его встретил и радостно поклонился, Ибсен сказал: «Юноша, я вас не знаю...» и т. д.

ДОБРОДЕТЕЛЬ. «Человеку добродетельному, и то нужна накидка в дождь» (Варрон, Мениппеи, с. 571).

ДОЛГ. Орден Марии-Терезии, который дается тем, «кто исполнил больше, чем свой долг» (упом. у Алданова).

ДОЛОЙ. «Революцию я встретил стихотворением “Долой меня”» (автобиография Ал. Вознесенского, РГАЛИ, 2247, 1, 22). «Не верь сначала старой няне, потом учителю не верь, потом писателю в романе и самому себе – теперь».

ДОМ. Утомительно-разнообразные домики из утомительно-однообразных кубиков по краям американских дорог.

ДОН. Что было нагреблено Наполеоном, то было отгреблено и пошло на Дон.

«**ДРУГ** ли вы самому себе?... Есть ли у вас друзья среди мертвых?» (из вопросника М. Фриша). Были логические головоломки: «Александр, Борис, Владимир, Григорий – летчик, доктор, учитель и садовод; кто есть кто, если Александр дружит с доктором, Борис играет в теннис с садоводом и т. д.? У меня они в детстве не разгадывались, потому что дружба казалась мне актом односторонним: если Александр дружит с доктором, это не значит, что доктор дружит с Александром. Если бы я был старше, я сказал бы, «как и любовь», и процитировал бы эпод Горация или поговорку из Даля: «И ты мне друг, и я тебе друг, да не оба вдруг».

«**ДУРАК**», – закричал попугай; солдат вытянулся и ответил: «Виноват, ваше благородие, я думал, что вы птица».

ДУХОВНОСТЬ. «Что такое духовность? – Это когда нет и хлеба единого». «Декоративная духовность» – выражение О. Хрустальной в 1989 г. о поколении Евтушенко и Вознесенского; увидела бы она, что будет потом!

ДУХОМ ПЕРЕГИБАТЕЛЕН. – фразеологизм.

ДУША. «Гиря на душе все та же, но хоть твердо стоит и не ерзает» (из письма).

ДУША. «Некоторые колдуны устраивают настоящие убежища для блуждающих душ, и если кто-нибудь потерял свою душу, то он может за установленную плату достать здесь другую» (Фрэзер).

ДУША. «НН ходит ко мне в душу, как в собственный ватерклозет», – жаловался кто-то в мемуарах акад. А. Н. Крылова.

ДУША. Карманы на пальто – «большие, накладные, глубокие – до дна души!» – заказывала М. Цветаева перед отъездом в Россию (письмо к А. Берг, 28 янв. 1938 г.).

ДУША. Стихи – это выражение того, что на душе? Да нет, это мы на душе у языка, и очень тяжелым камнем.

ДУЭЛЬ. Из-за музыки Листа у двух поклонниц чуть дело не дошло до дуэли (восп. Галахова о П. Н. Кудрявцеве). Я вспомнил, как М. Шагинян вызывала Ходасевича биться на шпагах.

*Не вовсе чужа бога света
В моей неполной голове...*

Языков

ЕВРЕИ. «М. К. Тихонова сказала о Тынянове: он сделал Грибоедова евреем» (записи Л. Я. Гинзбург). «Так он и Пушкина сделал евреем!» – воскликнул О. Ронен. Лишь потом со слов Харджиева было напечатано, что любимым раздумьем Тынянова было: кто из русских писателей насколько был евреем?

«ЕСЛИ БЫ. проглоченный кролик мог написать воспоминания об удаве...» – начала дочь.

Ё. Пушкин писал через *ять*: «Всѣ те же ль вы» (не менялся ли ваш состав?); без *ятя* же, несмотря на отсутствие точек над *ѣ*, единодушно читается: «Всё те же ль вы» (по-прежнему ли вы такие, как были?). В «Анне Карениной» только точками над *ѣ* можно заставить читать фамилию *Лёвин*.

ЖЕНИТЬБА. Пал. Ант., VII, 309:

Шесть десятков прожив, здесь я сплю, Дионисий из Тарса.
Сам я не был женат. Жаль, что женат был отец.

Ср.: «Я бездетный. Это наследственное. Бабушка была бездетная, мать бездетная...» – «Откуда же вы?» – «Я из Минска».

ЖЕНИТЬБА. Бедуина спросили: «Почему ты не женишься?» Он ответил: «Потому что для этого нужно сперва развестись с самим собой».

Ср. юмор в «Литературной газете» к 8 марта: «От себя не уйдешь, кроме как к другой».

ЖИЗНЬ. Воспоминания Н. Ге (младшего): гуляя вечером по Хамовникам, Толстой остановился у неплотно прикрытого ставня, постоял, подсматривая, сказал: «Как интересна жизнь!» – и пошел дальше.

ЖИЗНЬ. Записи Л. Гинзбург. Она сказала Олейникову, что Брики страстно стремятся доказать, что они живы: Маяковский умер, а они живы. Олейников задумчиво ответил: «А ведь, в сущности, это так и есть...»

ЖИЗНЬ. Записка самоубийцы: «В жизни моей прошу никого не винить» (рассказ в «Новом журнале», 1942, № 3).

ЖИЗНЬ. Закарпатские вывески: «Великое похоронное предприятие», «Продажа виктуалов», «Торговля жизненными потребностями и прочим мешаным обиходом» (И. Эренбург. Виза времени, с. 245).

ЖИЗНЬ. У него же (там же) последний цадик говорит: «Рай – это память о добрых делах, а ад – это стыд. Всюду солдат учат по-своему, но всюду «раз-два»; но плох солдат, который в войну не забывает «раз-два». А что вся жизнь, как не война?»

ЗАИКАНИЕ. «Шкловский из своего умственного заикания создал жанр и стиль» (записи Л. Я. Гинзбург). «У него мысли, как булавки, натканные в подушечку», – говорила Э. Триоле.

ЗАПОВЕДЬ. Serena Vitale о М. Цветаевой: она грешила не против седьмой заповеди, а против первой – не сотвори себе кумира. Я бы добавил: и против 1а – не разрушай его.

ЗВЕЗДА. (с звездой?). В архиве я читал пустозвездные стихи.

ЗВЕРИНОЕ ЧИСЛО. А сколько строк в печатном листе, нормальных строк по 60 знаков? 666 – звериное число, и 6 десятых.

ЗДОРОВЬЕ. «Относитесь к вашему телу, как к автомобилю, – сказали мне. – Если будете заботиться – далеко уедете; если захотите таскать на себе – недолго пройдете».

ЗЛОБА ДНЯ. В начале 1913 г., отделив Монголию от Китая, русские поручили буряту Джамсаранову издавать в Урге газету. В первом номере было написано о земном шаре, частях света, молнии и грома, формах правления, русско-монгольском договоре и пр. Номер бурно раскупался, потребовалось второе издание, а ламы жаловались хутухте, что круглая земля – это ересь (Б. Нольде. Далекое и близкое).

ЗНАМЕНИЕ. В Кампании заговорил бык; для отвращения беды его поставили на общественное довольствие (Ливий, 41, 13).

ИГРА. «Чехов притворялся не-новатором, как другие притворяются новаторами».

«**ИДЕИ**, как и вши, заводятся от бедности», – говорил К. Зелинский А. Квятковскому (РГАЛИ, 391, 1, 20, письма Квятковского Пинесу). «Идеологическая малярия», – писал сам Квятковский. «За отсутствием крови пишем чернилами».

ИЗЪЯВЛЕНИЕ. Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук «был человек неизъявительный и довольно робкий».

ИММИГРАЦИЯ. Внутренний иммигрант – это значит карьерист.

ИНСТИНКТ. «Я, конечно, не люблю ее, а тянусь все тем же своим инстинктом – давать счастье» (дневник А. И. Ромма, РГАЛИ, 1495, 1, 80).

ИМЯ. А «своенравное прозвание» Настасьи Львовны, о котором Баратынский написал небесные стихи, было Попинька. Ср. у Вяземского в эпиграмме: «Его не Попинькой, а Пыпинькой зовут».

ИМЯ. А у молодого Уайльда была пьеса из жизни русских нигилистов, где действовали Царь Иван, Принц Петрович, Алексей Иванасьевич, Полковник Котемкин и Профессор Марфа.

ИМЯ. Консула 169 г. звали Кв. Помпей Сенецион Росций Мурена Секст Юлий Фронтин Силий Дециан Гай Юлий Еврит Геркуланий Луций Вибулий Пий Августин Альпин Беллиций Соллерт Юлий Апр Дуцений Прокул Рутилиан Руфин Силий Валент Валерий Нигер Клавдий Фуск Сакса Урутиан Сосий Приск (Фридлендер).

ИМЯ. Прокофьев в детстве сказал матери: «Мама! я написал рапсодию-Листа». Федр озаглавливал свои стихи: «Эзоповых басен книга такая-то». А у Шенгели есть четверостишие под названием «Стихи Щипачева» (РГАЛИ):

Вот дуб. На нем могла б сидеть ворона,
Приподымая черный лоб.
Однако не сидит. Так в чем же суть закона?
Не все бывает, что могло б.

ИНВЕРСИЯ: «И звуков и смятенья полн» – это не замечалось, пока Цветаева во французском переводе не переставила «...смятения и звуков», и все выровнялось и побледнело: смятение сперва, звуки потом.

ИНВЕРСИЯ. «Видение» Тютчева начинается парадоксом: живая колесница мироздания (целое!) катится в святилище небес (часть!). А кончается двусмысленностью: *лишь Музы* (подлежащее?) *девственную душу* (объект?) *в пророческих тревожат боги снах*: правильное осмысление – лишь в предпоследнем слове. Есть ли этот синтаксис – иконическое изображение непостижимости мира?

ИНЕРЦИЯ. «Портрет портретыч», – называл Серов свои рядовые работы. Доклад докладыч, Статья статьинишна.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. «Не хочу умирать, хочу не быть» (Цветаева в записях 1940 г.). А Кузмин писал, что не хотел бы делаться католиком (или старообрядцем?), но хотел бы им быть. Был юбилей Эразма Роттердамского, И. И. Халтурин сказал: «Ваш Эразм – воплощение интеллигентского отношения к действительности: пусть все будет по-новому, только чтоб ничего не менялось».

ИНТЕРЕСНЫЙ. Когда при мне говорили «интересная женщина», я не понимал. Мне объяснили: «Вот о Кирсанове ты ведь не скажешь: великий поэт, – ты скажешь: интересный поэт. Так и тут». Тогда я что-то понял. Кажется, теперь это словосочетание выходит из употребления.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ. Вишняк говорил, что при разгоне Учредительного собрания его пели и разгонявшие и разгоняемые.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ в пер. Колау Чернявского (Тифлис, 1927 г.):

Вот роковая борьба.

Сгрудимся все побороть.
Завтра людская толпа —
Международь.

Встань от расправы земли,
Встань ты от голода-каторги,
Лавы последней разлив,
Грохоты разума в кратере.

Наголо сбреем бывшее,
Валом вздымайся, раб.
Прочь мировые устои.

Все – ты, ничто – вчера... и т. д.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. «Ты слушай не то, что я говорю, а то, что я хочу сказать!» – говорит жена мужу в анекдоте. Любители чтения между строк воображают такими всех классиков.

ИНТУИЦИЯ. Можно читать на неизвестном языке, подставляя под звуки и буквы чужих слов похожие из своего языка. В «Вестник древней истории» самоучка прислал расшифровку этрусского языка: этрусски значит «это русские» (как же иначе), поэтому их греческие буквы нужно читать, как русские; надпись на вазовом рисунке (буквы: *хи, коппа, дигамма, эта, пси, иота...*) читается: «хрен жили русы». (И редакция должна была подробно объяснять, почему это не может быть напечатано.) Когда я смотрю на дерево, или здание, или стихотворение без подготовки и пытаюсь понять их интуитивно, мне все время кажется, что это я его толкую на манер «хрен жили русы». Когда я читаю деконструктивистский анализ – тоже.

ИНФЛЮЭНТИК. А Л. Андреев кричал Бунину: вся интеллигенция разделяется на три типа – инфлюэнтик, неврастеник и меланхолик!

ИНФОРМАЦИЯ. А. Н. Колмогоров любил Евтушенко больше, чем Вознесенского: информативнее. А Солженицына критиковал за непросщение большевикам.

А мне Солженицына жалко. Я видел по телевизору интервью с ним после его возвращения в Москву – он держался живо, взволнованно, совсем не как учитель и пророк и был даже привлекателен. Но передовые люди не будут его слушать, а реакционеры будут объявлять его своим, – зачем это ему? «Один день Ивана Денисовича» – рассказ гениальный, а «Архипелаг ГУЛАГ» – подвиг; но все, что он пишет про историю русской революции, с художественной стороны (мне кажется) посредственно, а с научной – наивно.

ИСКУССТВО. «Любишь ли ты музыку?» – спросил Ребиков мужика. «Нет, барин, я непьющий», – ответил тот («Летопись», 1916, № 2, с. 178). Ср. разговор извозчика с Шалапиным: «Чем занимаешься?» – «Пою». – «Да нет, чем занимаешься?»

ИСКУССТВО. «Построить искусство легко просыпаться от сна» предлагал Хлебников.

«**ИСПАНЦЫ** суть умеренны и трезвы, выключая только простой народ. Также постоянны, искренны, глубокомысленны, горды, тщеславны, ленивы и сребролюбивы» (Ремизов. Россия в письмах).

«ИСТОРИЗМ могли выдумать лишь те европейские нации, для которых история не была непрерывным кошмаром» (М. Элиаде).

ИСТОРИЯ. «Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история?» (К. Прутков. Проект...).

ИСТОРИЯ. Эдисон предложил Эйнштейну свои тесты: сколько километров от Нью-Йорка до Нью-Орлеана, какова температура плавления иридия и пр. Эйнштейн сказал: «Не знаю, посмотрю в справочнике». Современной культуре нужна не память прошлого, а справочник, в котором можно найти прецеденты на все случаи будущего. Такой справочник пробовал сделать Тойнби.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННАЯ. В школьную программу ее ввели при Наполеоне III. «Угодничество сделано предметом школьного изучения» (дневник Гонкуров, окт. 1863 г.).

КАББАЛА. «Каббалпромстрой» – расшифровывается как «кабардино-балкарский».

КАК ТАКОВОЕ. «Вы женщин любите?» – «Вы с похабством спрашиваете или без похабства?» – «Без похабства». – «Если вы про товарищеские чувства – не знаю, что и ответить. Женщину как таковую я наблюдал мало» (А. Адалис. Вступление к эпохе).

КАЛЕНДАРЬ. А. Белый, «Автобиографич. материал...» под новый, 1893, год задумывал: «31 июня влюбляюсь в Маню Муромцеву...» У него как будто все годы состояли из одних мартобрей.

КАЛОШИ в армии разрешалось носить только с полковничьего чина (восп. Милашевского).

КАНЦЕЛЯРИЯ. Император Леопольд в год осады Вены подписал 8256 бумаг («Ист. вестник», 1916, № 2, с. 612).

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО. В. Перельмутер – о том, что не удастся издать М. Тарловского. Сидел ли? Сидел, но меньше года. Раньше говорили: вот видите, сидел; теперь говорят: вот видите, меньше года. Он писал:

Мы все расстреляны, друзья,
Но в этом трудно нам сознаться.

КОЛУМБОВ ДЕНЬ – первый понедельник октября. В справочнике написано: этот праздник – не для того, чтобы вспомнить открытие Америки, за которое нам так стыдно перед индейцами, а для того, чтобы полюбоваться красками осенней листвы.

КОЛЬЦОВСКИЙ СТИХ. «О душа моя, / О настрой себя / К песнопениям, / Полным святости, / Ты уйми слепней / Матерьяльности...» – перевод О. Смыки из Синесия (Античные гимны, с. 283).

КОММЕНТАРИЙ. Приятно писать в примечаниях: «*Яссин* – объяснить не можем»: как будто расписываешься в принадлежности к роду человеческого. Комментарий нужен, чтобы

читатель знал, чего он имеет право не понимать (и, стало быть, что обязан понимать). Ср. VII, ТАКОЕ СЛОВО¹.

КОММУНИЗМ. «Примечания показались мне утопически подробными, какой-то коммунизм ученых мнений, где только поэзии нету места» (письмо А. К. Гаврилова о М. Альбрехте).

КОММУНИЗМ. По Бабефу, кто работает за четверых, подлежит казни как заговорщик против общества. Монахам тоже запрещалось умертвлять свою плоть больше других братьев.

КОМПИЛЯЦИЯ. «Христос у меня компилятивный», – сказал Блок Б. Зайцеву. Тот предпочел не понять.

КОНЕЦ. «В книгу вошли произведения более ста поэтов только с законченными судьбами» (Песнь любви, 1988).

«**КРАСНАЯ** Касталия», – сказал С. Аверинцев о первых проектах нынешнего РГГУ: «сотрудники Академии наук просят освободить их от Академии наук».

КРУТОЙ характер в значении «трудный» – метафора; крутой человек в значении «с твердым характером» – метонимия. Я додумался до этого словоупотребления, переводя Ариосто; а через несколько лет это слово разлилось по всему разговорному языку. Вероятно, в применении к паладинам оно стало звучать комично.

Первое употребление, как кажется, в «Старик Моргулис зачастую / Ест яйца всмятку и вкрутую. / Его враги нахально врут, / Что сам Моргулис тоже крут». В первом классе дали задание составить фразу из слов: *малыш, санки, горка, крутой, съехать*. Все написали: «Крутой малыш съехал на санках с горки».

КРЯДУ. Толстой восхищался Щедриным (за «Головлевых»), но добавлял: «кряду его, однако, читать нельзя» (восп. И. Альтшуллера). А Кони он говорил: Щедрин пишет для страсбургских гусей, которых раздражают, чтобы печень разрослась для паштета. (Как налива розгами.)

КТО КОГО. У Вортов кота и кошку зовут «Кто» и «Кого». Вот разница языков: *Weg* и *Wem* было бы хуже, а *Qui* и *Quam* – лучше.

КТО О КОМ. «Огонек» напечатал Ходасевича со статьей о нем Вознесенского. Как легко представить, что написал бы Ходасевич о Вознесенском. Или Гракх об Авле Геллии, или Авл Геллий обо мне.

Для вечера о Ходасевиче. Ходасевич – поэт, но едва ли не большего уважения, чем поэзия, заслуживает его отказ от поэзии. Его последнее десятилетие было не внутренним «засыханием» и не досадным следствием внешних обстоятельств, оно было – как и конец Блока или Цветаевой – логическим выводом сознательно принятой позиции. Он считал, что поэзия – это не вещание всемирных истин и тем более личных страстей, а это изготовление зеркала, чтобы, заглянув в него, увидеть свое ничтожество. Это орудие нравственности в мире без

¹ При ссылках на статьи из других разделов перед названием указывается номер раздела.

Бога. Когда ты увидел себя со стороны (об этом раздвоении Ходасевич писал не раз) и, что мог, – исправил, а перед тем, чего не мог, – опустил руки, то остается только умереть или замолчать. Отказавшись от поэзии, он хоронит себя и свою эпоху в прозе. Он не консервирует свои чувства и приемы, он не плачется о прошлом и не заигрывает с будущим (или наоборот), а судит о них вневременно, как покойник, как житель некрополя: иссуша, холодно и сухо. Его мерило – Пушкин; а чтобы иметь право мерить Пушкиным, нужно объединиться с ним в смерти, потому что объединиться с Пушкиным в жизни может только Хлестаков. Он не считает, что с ним погибла вся вселенная. Он знает, что культура работает, как мотор, в котором должны быть вспышка за вспышкой, но такие, чтобы не взрывали машину. Если ты сам не можешь вспыхивать и не хочешь взрывать, то следи, как механик, чтобы машина хорошо работала, – а для этого имей трезвую и беспристрастную голову. Именно за эту трезвость Мирский его обозвал: «любимый поэт всех, кто не любит поэзию» (то есть, в частности, филологов). Он учит умирать мужественно, потому что нехорошо, когда эпоха умирает с эгоцентрическим визгом. Такой урок всегда своевременен..

КУЛЬТУРА. С. Аверинцев на цветаевской конференции сказал: для предыдущих поколений любовь к Цветаевой была делом выбора, для нас она заданность. Та же тема, что и у Ю. Левина, когда тот отказался делать доклад о Мандельштаме, потому что Мандельштам уже не «ворованный воздух».

КУРГАНОВА ПИСЬМОВНИК. Фразы, которых я не мог разъяснить И. К.: «Мне любезнее отказаться от всего аристотического трибала, нежели подумать открыть столь важную тайну... Я нахожусь, как Андрофес, в сладчайших созерцаниях толиких дивных изрядств... Он говорил по-гречески, по-латыни или по-маргажетски...»

*РГАЛИ, 218, 1, 51: Марк Тарловский, **упражнение на тройные рифмы**, ради которого он совместил несовместимое: октавы с пародией на Державина. Вот истинная преданность поэзии: ради красного словца он не пощадил не то что родного отца, но и себя, потому что не мог не понимать, что хотя бы от 10 строфы уже вела прямая дорога к стенке. А был, говорят, большой трус.*

Ода на Победу

*Ленинравный маршал Сталин!
Се твой превыспренный глагол
Мы емлем в шелестах читален,
Во пчельной суетолоке школ,
Под сводами исповедален,
Сквозь волны, что колеблет мол...
Се – глас, в явлениях Вселенной
За грани сущего продленный.*

*Тобой поверженный тевтон
Уже не огонь, а слезы мечет,
Зане Берлин, срамной притон,
Возжен, чадящ и головоещат,
Зане, в избыве от препон,
Тебе природа дланями плещет.*

*О! сколь тьмократно гроздь ракет
Свой перлов благовест лиет!*

*За подвиг свой людской осанной
Ты зиждим присно и вовек,
О муж, пред коим змий попранный
Толиким ядом преистек,
Сколь несть и в скрыне злоуханной,
В отравном зелье ипотек!
Отсель бурлить престанут тигли,
Что чернокнижники воздвигли.*

*Се – на графленном чертеже
Мы зрим Кавказ, где бродят вины,
Где у Европы на меже
Гремят Азийские лавины:
Сих гор не минем мы, ниже
Не минет чадо пуповины;
Здесь ты, о Вождь, у скал нагих
Повит, как в яслях, в лоне их.*

*Восщелком певчим знаменитым
Прославлен цвет, вельми духмян;
Единой девы льнет к ланитам
Пишта, чувством пьян;
А мы, влеченны, как магнитом,
Сладчайшим изо всех имян,
Что чтим, чрез метры и чрез прозу,
Как Хлою бард, как птаха розу.*

*О твердь, где, зрея, Вождь обрел
Орлину мощь в растворе крылий,*

*Где внял он трепет скифских стрел,
С Колхидой сливши дух ковылий,
Где с Промифеем сам горел
На поприще старинных былей,
Где серебрян Терека чекан
Виется, жребием взалкан!*

*В дни оны сын Виссарионов
Изыдет ведать Росску ширь,
Дворцову младость лампионов,
Трикраты стужену Сибирь,
Дым самодвижных фаетонов
И тяготу оковых гирь,
Дабы, восстав на колеснице,
Викторны громы сжать в деснице.*

*Рассудку не простреться лъзя ль
На дней Октябrevых перуны?
Забвенна ль вымпельна пиццаль,
Разряжена в залог Коммуны?
Иль перст, браздивший, как
скрижаль,
Брегов Царицыновых дюны?
Нет! Ленин рек, очьми грозя:
Где ступит Сталин, там стезя!*

*Кто вздул горнила для плавлен, —
Кто вздвиг в пласты ребро мотык,
Кем знак класится изобиле,
С кем стал гражданствовать мужик,
Пред кем, избавясь подзатылин,
Слиян с языками язык?
За плавный взлет твоих ступеней
Чти Сталинский, Отчизна, гений!*

*Что зрим на утре дней благих?
Ужели в нощи персть потопла?
Глянъ в Апокалипсис, о мних:
Озорно чудище и обло!
Не зефы табельных шутих —
Фугасных кар отверсты сопла!
Но встрел геенну Сталин сам
В слезах, струимых по усам!*

*Три лета супостат шебаршил,
И се, близ пятого, издох.
В те дни от почвы веиний пар шел,
И мир полол чертополох.
И нам возздравил тихий Маршал
В зачине лучшей из эпох.
У глав Кремля, в глуши Елатьмы
Вострубим всюду исполать мы.*

*Коль спросить, завидна ль нам
Отживших доля поколений,
Что прочили Сионов храм
Иль были плотью римских теней,
Иль, зря в Полтаве Карлов срам,
Прецедрой наслаждались пеней, —
Салют Воздя у Кремних стен
Всем лаврам будет предпочтен.*

*Нас не прельстит позднейшей датой
Веков грядущих сибарит,
Когда, свершений соглядатай,*

*Он все недуги истребит
И прошмыгнет звездой хвостатой
В поля заоблачных орбит!
Мы здесь ответствовали б тоже:
Жить, яко Сталин, нам дороже.*

*Итак, ликующи бразды
Вкрест, о прожекторы, нацельте,
Лобзайте Сталина следы
У Волжских круч и в Невской дельте,
Гласите, славя их труды,
О Чурчилле и Розевельте,
Да досягнет под Сахалин
Лучьми державный исполин!*

*В укор нейтральным простофилям
Триумф союзничьих укреп.
Мы знаем: Сатану осилим,
Гнилоц анафемский вертеп.
Да брызжет одописным итилем
Злачена стилоса расцеп! —
Понеже здесь – прости,
Державин! —
Вся росность пращурских кунавен.*

9-13 мая 1945 г.

ЛАЗ. Я беспокоился, что, переводя правильные стихи верлибром, открываю лаз графоманам. Витковский сказал: «Не беспокойтесь: графоманы переводят только уже переведенное, им этот лаз не нужен. Делают новые переводы Киплинга на старые рифмы».

ЛАМАРК. «А японцы после войны выросли в среднем на 10 см: чтобы не страдать неполноценностью в мировом сообществе. Ламаркисты говорят: от волевого напряжения; а дарвинисты: оттого что кушать лучше стали, благодаря японскому чуду».

ЛАТЫНЬ. «Кокто переложил «Эдипа» на телеграфную латынь» (В. Вейдле).

ЛЕГКИЙ. О. Седакова была секретарем у поэта К. А., нужно было готовить однотомник. Он был алкоголик, но легкий человек: лежал на диване и курил, а она предлагала сокращения. «Ну, сколько строчек стоит оставить из этого стихотворения?» – «Одну». – «Это неудобно, давайте четыре». Смотрел с дивана на обрезки на полу и говорил: «Другой бы на это дачу выстроил».

ЛЕГКОВООРУЖЕННЫЙ арьергард национальной классики, уже ощутимо инородный, – таковы кажутся Чехов и Анатолий Франс.

ЛЕНИНИЗМ. Ходасевич в дискуссии об эмигрантской литературе писал: будущее русской поэзии – «сочетание русской религиозности с американской деловитостью». Это почти

точная копия последнего параграфа «Вопросов ленинизма»: «сочетание русского размаха с американской деловитостью».

ЛЕСКОВ показывал Измайлову иерусалимский крест из слоновой кости, а в середине стеклышко с непристойной картинкой. «В том, что делаю дурного, не нахожусь на своей стороне» (Толстому, 12.7.1891). «Нехорошо иметь неопрятное прошлое» («Юдоль»).

ЛЕТНИЙ САД. Все удивлялись, что герцог Лейхтенбергский женился на Н. С. Акинфиевой. «Это все равно, что купить Летний сад, чтобы иметь право в нем прогуливаться», – сказал Тютчев (Феоктистов).

ЛИМЕРИК сочинения И. О.:

Жил да был человек в Мелитополе,
Утверждавший, что он-де vox populi;
Повторил эту фразу
Он по сотому разу,
И тогда его только ухлопали.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКОЛОГИЯ. «Лучше уж написать историю советской заплечной критики (включая хедер имени Марселя Пруста, там тоже стояла дыба): тогда литература сразу явится как нечто производное. А что непроизводное – восхвалим, ибо это и есть ценность».

ЛИЦА. В нью-йоркском метро на лицах сидящих и стоящих те же выражения, что и в Москве: усталые, озабоченные, немного отупелые. Одеты, конечно, лучше, в ватниках никого нет, но лица – такие же.

ЛИЦА. Была роскошная история Рима Г. Парети, семь фолиантов изд. УТЕТ с картинками на каждом развороте. Обычно такие бывают фальшиво-популярными, но эта была настоящей научной. Чтобы заполнить картинками все развороты, там во множестве печатали бюсты неизвестных римлян. Их дошло множество, каждая семья держала их в красном углу, как фотографии дедов, но воспроизводятся они редко: чем брать неизвестного, проще лишний раз напечатать Юлия Цезаря. А здесь они шли страница за страницей, низколобые, бритые, «смотри, как просты и квадратны лица», и становилось ясным, что именно такие, с мечом и плугом, могли завоевать мир и, завоевав, не выпустить. И что именно с такими иудейская война могла быть только до последней капли крови. А в конце седьмого тома было маленькое послесловие от автора и под ним, вместо подписи, портрет Парети величиной с почтовую марку, впалые щеки, лысинка и борода.

ЛЮБ. Предмет «труд» в школьной программе: «это чтобы не камнем, а лбом орехи расшибать», – пояснил Б. Житков (письма, РГАЛИ, 2185, 1, 4).

ЛОГИКА. «Не ищите логики там, куда вы ее не клали», – сказали мне, когда я слишком долго старался понять статью НН.

ЛОГИКА. Был тест на классификацию карточек с картинками, дерево и таракан оказались в одной группе. Испытуемый объяснил: потому что никто не знает, откуда взялись деревья и откуда взялись тараканы (рассказывала Б. Зейгарник). Неизвестно, читал ли он обэриутов.

ЛОГИКА. Из воспоминаний Чуковского: Мережковский сказал: «Люди делятся на умных, глупых и молдаванов; ваш Репин – молдаван». Гиппиус из соседней комнаты крикнула: «И Блок тоже молдаван!» Самое замечательное: «В ту минуту мне показалось, что я их понял».

ЛОГИКА. Виды медов были: вишневый, смородинный, можжевельный, обварный, приварный, красный, белый, белый-паточный, малиновый, черемховый, старый, вешний, с гвоздикой, княжий и боярский (Терещенко. Быт рус. народа, с. 204). «Квас черствый, квас сладкий, квас выкислый», – перечислял Ремизов в «Учителе музыки».

ЛОГИКА СОЧИНИТЕЛЬНАЯ: в водевиле Ильфа и Петрова персонаж боится ревнивого мужа: «Он ведь еврей, а это почти караим, а это почти турок, а это почти мавр, а мавр – сами знаете!...» Та же схема в известном анекдоте о ссоре мужа и жены: «... ах, так я не права! Значит, я вру! Значит, я брешу! Значит, я собака! Господи, он меня сукой обозвал!». Именно на это похожа система доказательств в интерпретациях разных поэтов у К.

ЛЮБОВЬ. «С получением сего предлагается Вам в двухчасовой срок полюбить человечество» (С. Кржижановский, о проблемах викариата чувств).

ЛЮБОВЬ. «Цветаева, видимо, любила своих любовников по обязанности поэта, а мужа – по-настоящему», – сказала НН.

В. Шкловский говорил Л. Я. Гинзбург: «Лиля Маяковского ненавидит за то, что гениальный человек он, а не Ося». – «Так Брика она любит?» – «Разумеется».

ЛЮБОВЬ. В. Вейдле: французская литература была для Пушкина родителями, которых не выбирают, а женой, которую выбирают по любви, была английская.

ЛЮБОВЬ. Он любит Мандельштама без взаимности; я тоже, но хотя бы стараюсь эту любовь заслужить.

ЛЮБОВЬ. Т. Масарик напоминал: сен-симонисты, чтобы теснее связать человека с человеком и приучить людей к любви, рекомендовали, например, пришивать пуговицы у сюртуков сзади, чтоб брат брату помогал при застегивании. И все мы с удовольствием пришиваем своим братьям пуговицы сзади, чтобы они никак не могли их сами застегнуть («Современные записки»).

МАКИАВЕЛЛИ. Г. Федотов о Ключевском: «Какой огромной выдержкой, почти макиавеллистической, нужно было обладать, чтобы читать курс одновременно в духовной, военной и университетской аудитории, сорок лет увлекая студентов и не навлекая подозрительности начальств».

МАРКС. Критик сказал, что «Приглашение на казнь» – это «Мы» в постановке братьев Маркс («Strong opinions»).

МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТИМУЛ. Уточкин на стадионах, не боясь разбиться, летал не выше двух метров от земли, чтобы из-за заборов не глазели неплатившие.

МАТИЗМЫ, термин из немецкой монографии о русской матерной лексике. Е. Солоновича просили перевести сонеты Аретино, он ответил: «Не получится, там все необходимые

слова свои, а у нас какие-то неестественные, как будто из тюркских пришли». Оказывается, нет: никаких тюркских корней, только название главного органа почему-то из албанского. Впрочем, это оспаривается.

МАТЬ. Б. Хелдт: «Мария Шкапская, как настоящая мать на суде Соломона, предпочла спасти свою поэзию, отрекшись от нее... Самая неоцененная поэтесса».

МАФИЯ. «Вор ворует, мир горюет; вор попал, а мир пропал» (Пословицы XVII в., изд. Симони).

МАЯКОВСКИЙ. «У Данте все домашнее, как у Маяковского, а у Петрарки и Тассо – уже отвлеченное», – говорила Ахматова Чуковской.

МЕДВЕДЬ. До 1815 г. Россия и Польша барахтались на Восточной равнине, как два медведя в одной берлоге, царапаясь, но чувствуя, что они одной породы. И за сто лет потом возненавиделись до потери породы, больше, чем при любых самозванцах.

МЕТОД. «Этот метод тем полезнее, что сказать нам нечего, а говорить надо» (Квинтилиан, VII, 1, 37).

МЕЩАНСТВО. Ренан восторгался г-ном Омэ: «Если бы не такие, нас всех давно бы сожгли на кострах».

МИДАС. Поэт – это «царь Мидас, [который] бреется сам и сам бежит к камышовой кочке» (письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

МИНИН. Это Мельников-Печерский открыл, что его звали Сухорук («Отечеств. Записки», 1842, № 8).

МИР. Ощущение перед миром – «у нас этого не проходили» (письма А. Квятковского к Д. Пинесу).

Всё, что создано, мне ясно,
Тёмно всё, что рождено.

Полонский

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ. Есть икона: Богоматерь Млекопитательница. Гоголь путал ее с Троеручицей.

МОГИЛА Дорошевича на Волковом кладбище – рядом с Белинским. С Белинского началось заселение литературных мостков, справа лег Добролюбов и т. д.; а потом оказалось вакантное место слева – и пригodiлось Дорошевичу.

МОЖЕТ БЫТЬ. Адамович о Пушкине: «бессмертья, может быть, залог» – осторожность, кружится голова от неизвестности, тогда как Лермонтов с бессмертьем неразлучен и панибратствует. Считать ли подтекстом Пушкина Раблезианское «великое *peut-etre*»?

Аннотация для Ленинской библиотеки: печатные карточки с такими аннотациями рассылались по областным, городским и сельским библиотекам, чтобы библиотекари знали, какую книгу ставить на выставку в день моряка, а какую в день рыбака.

А. Чепуров. Еще биография пишется... Л., 1983. «Я знал человека – на вид неказист, по сути – большой, рядовой коммунист...»; «Кому – летать, кому – ходить, кому дорога – море. Соединяет жизни нить и радости и горе...»; «Люблю я русскую природу, люблю, не чаю в ней души и в ясный день, и в непогоду, в открытом поле и в глуши...»; «Мы произносим имя Ленин – и словно дружим с высотой. Весь шар земной, весь мир овеян его прекрасною мечтой...»; «Вновь пугают, грозятся, метят в самое сердце огнем. А чего мне бояться – я живу в государстве своем!..» Такими стихами, простыми, прямыми и патетичными, выражает здесь свои мысли и чувства лауреат Государственной премии РСФСР ленинградский поэт Анатолий Чепуров, чей поэтический путь начался на приневском фронте, и до сих пор «еще биография пишется...». В новую книгу поэта вошли стихи о временах года, о казахской степи, о Пушкине («Уж с той поры я с ним знаком, когда под стол ходил пешком...»), «Поэмы из дальневосточной тетради» и публицистический цикл «Слушая будущее».

МОЛОДОСТЬ кончалась лет в 25. «Ты молода, и будешь молода еще лет пять или шесть», – говорят восемнадцатилетней Лауре. В «Княгине Лиговской» о 25-летней сказано: еще не совестно волочиться, уже трудно влюбиться (замечил Адамович). Лаврецкий был «старик» в 43 года, Ленин имел прозвище Старик в 34: где средняя жизнь недолга, стариками кажутся рано (Валентинов). «По дурную сторону тридцати» назывался пожилой возраст в XVIII в. Ленин говорил Кржижановскому: «Худший из пороков – быть старше 55 лет».

МОЛОДОСТЬ. «Что молодость? конец хазовый жизни!..» (Ф. Глинка. Таинственная капля).

МОРАЛЬ. «Есенин занял место Надсона: не любить его – признак моральной дефективности. У Надсона – болезнь силы, у Есенина – болезнь веры» (Мирский). До Есенина самоубивались на могиле Чехова.

МОРОЗ. Потоптал мороз цветочек – и погибла роза. Жалко, жалко мне цветочка, жалко и мороза (Шевченко).

МУДРОСТЬ русского народа: формулой ее Лесков считал пословицу: «Гнем – не парим, сломим – не тужим». «Стараться – так всюю, а что выйдет или не выйдет – не наше дело» (Ремизов. Петерб. буерак).

МЫСЛЬ. «Я хочу высказать несколько мыслей», – начинает оратор.

«... Стоял на чтении словес Божиих, да не утолстеют мысли» (Ремизов. Подорожье).

МЫШЕЛОВКА не бежит за мышью. Мышеловка стоит и ждет. Мышь приходит сама (из анекдота).

Сон А.: кладбище, конторская изба, на подоконнике блюда с пеплами, и начальница говорит: «Вы можете послать вашему покойнику письмо, у нас есть компьютер». – ? – «Вам же, наверное, хочется что-то сообщить о том, что произошло без него?»

НАРОД. «Пока народ безмолвствовал, можно было верить, что он народ, а как заговорил – расползся на социальные группы».

НАРОДНОСТЬ – «у нас дважды два тоже четыре, да выходит как-то бойчее». Православие – «если Бога нет, то какой же я штабс-капитан?» Для Самодержавия формулу русской классики я пока не смог найти.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК (volgare). У А. Егунова (Николева) есть рассказ о петербургском митрополите, который будто бы для привлечения слушателей стал в Казанском соборе служить литургию по-французски, был сослан на Камчатку и там проповедью по-камчадалски («Если любви не имею...») поднял рождаемость в вымиравшем населении. Но в 1845 г. действительно был проект при одной из церквей Бердичева учредить православную службу на идиш для привлечения прозелитов; отложили, потому что накладно было обучить попов языку и перевести молитвенники («Совр. записки»).

НАРЦИСС. «Шершеневичу не хватало самовлюбленности, и он ее нервно компенсировал. Вообразить его поступки у Северянина невысказано» (разговор с О. Б. Кушлиной).

НАСТРОЙ вместо *настроение*: это слово («настрой души») было уже у Анненского в статье о Бальмонте. А загадочное *никчменный* вместо никчемный – у Пяста. Ср. V, ВОЛНИТЕЛЬНЫЙ.

NATURGEFUEHL. «Хороши у Господа декораторы» (В. Жаботинский. Пятро). К красоте природы я невосприимчив, но мне всегда казалось, что если бы я мог поговорить с Богом и расспросить его, какие горы и долины было легче делать, а какие труднее, то я научился бы что-то воспринимать.

Заболоцкий ужасался, как безобразна бабочка с близкого взгляда. Дневник Пришвина: «Как трудно птицам небесным: иштики под крыльями, высисывай, таскай червей... Мы можем любить природу [с тех пор, как] мы больше ее: любим и не спрашиваем о взаимности». Так пейзаж с горами и морями вошел в моду лишь после того, как альпийские обвалы и средиземные бури стали безопасны новым дорогам и кораблям.

Точно так же лишь после того, как историзм отделил человека от прошлого, стало возможно это прошлое не спокойно-связно переосмысливать, а эмоционально-прерывисто переживать: появилась романтическая автобиография. Кажется, об этом страхе времени писали меньше, чем о страхе пространства. Я смотрю по сторонам на людей и вещи, как античный человек на природу: как на потенциальную угрозу.

НАЦИОНАЛИЗМ. С. П. Бобров пересказывал английский роман: кто-то умирает и чувствует, что растворяется, как сахар в воде, в потоках света; ему не хочется раствориться, он начинает мысленно ругаться и богохульствовать, и, действительно, свет отступает – но как только он останавливается, наплывает опять и т. д. (Очень похоже на Поплавского – «не религиозный опыт, а религиозные опыты», «не просто святость, а интересная святость», – писал о нем Бердяев – он хотел сохранять индивидуальность хотя бы ценой рембообразного зла.) Так и современным культурам не хочется раствориться в мировой глобальности, и они националистически ругаются.

Ср.: Пальмстрему так хочется покоя!
Раствориться бы, как соль в стакане,

Предпочтительно перед рассветом,—
А потом, по миновании ночи,
Выкристаллизироваться наутро,
Как Венера Анадиомена.

Хр. Моргништерн

НАЧАЛЬСТВО. Статья в «Русской мысли» 1913 г., после балканских войн: у русского солдата, кроме общеизвестных его боевых качеств, есть еще одно – неприхотливость к начальству. Это значит: если над французским солдатом офицер-дурак, то боеспособность солдата падает до нуля, а у русского только вдвое. А. сказала: это относится не только к солдату.

«**НЕ БОЙСЯ**, не надейся, не проси». Не просить я научился смолоду, не надеяться учусь постепенно, не бояться – не могу.

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ. В репинских «Пенатах» на двери, похожей на окно, была надпись «Здесь дверь» (восп. Ал. Вознесенского). А в длинном больничном коридоре на одной из стандартных белых дверей я сам видел приколотую бумажку: «Не входить, это шкаф».

НЕ У НАС. «Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны» (Пушкин, по поводу «Истории поэзии» Шевырева).

«**НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ...**» Притча Ремизова: во сне ругателю архангел показывает душу ругаемого: куда скажешь, туда и пойдет, в ад или рай. «Нет казни больше, чем судить».

НЕГРОТОРГОВЕЦ. «Научиться у меня можно лишь одному: не любить свои стихи и с зоркостью неготорговца разглядывать по статьям чужие; и то и другое – штука невеселая» (письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

НЕЙТРАЛЬНЫЙ. Авангардистская невнятность содержания текста и понятные пятна на непонятном фоне – это вывернутая наизнанку старая практика, где фон был понятен, а наиболее важные моменты отмечались необычной приподнятостью, т. е. невнятностью.

НЕОБХОДИМОСТЬ. «Не полная, не худая, так только – необходимого виду» (восп. Т. Чурилина, РГАЛИ).

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ талант великого полководца (встретил в раю капитан Стормфилд), нереализовавшийся талант великого подлеца. Стремление не быть «добровольцем оподления» (Лесков), молитва: «Дай, Боже, прежде умереть, чем...» Солон говорил: не называй никого счастливым прежде смерти; так и здесь: не называй никого порядочным прежде смерти.

НИКОГДА. Ван Гог часто вспоминал египетскую надгробную надпись: «Феба, дочь Тмуи, жрица Осириса, никогда ни на кого не жаловавшаяся».

НИКОГДА. Никогда не случается неожиданного, никогда не сбываются предчувствия, никогда не верны заведомые известия (Тургенев – Полонскому, 6 сент. 1882 г., предсмертные уроки). Ср. пословицу: «Хорошее случается, а худое сбывается».

НИЧЕГО. Л. Леонов справил 94-летие, его спросили, что он мог бы сказать современным писателям, он сказал: «Ничего».

НИЧЕГО. Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего (будто бы Сковорода).

НОГТИ. Адамович откуда-то помнил: Платон Зубов, уже в 1820-х, рассказывал, что, когда шел к Екатерине, у него «ногти тряслись от отвращения». Алданов умолял найти источник, но не удалось.

НОСТАЛЬГИЯ. У Гомера любовное обилие подробностей – от ностальгии по недавнему, но невозвратному прошлому; ближайшая аналогия – «Пан Тадеуш», но в нем ностальгия больше по пространству, чем по времени. В. Смирин добавил: так в I главе «Онегина» – ностальгия по петербургскому пространству, в VIII главе – по молодому времени; они перекликались темами большого света (в начале иронически, в конце уважительно, потому что за пределами «Онегина» ему уже грозит новое мещанство), темами хандры и книг.

НОЧЬ. В «Горных вершинах», несмотря на «тьму ночную», являются зрительные образы «не пылит дорога» и, видимо, «не дрожат листья». В оригинале, наоборот, ночь складывается только из осязания (Hauch) и слуха (schweigen), а по имени не названа.

НУЖНЫЙ. «Не уезжаю, потому что я там не нужна; здесь я тоже не нужна, но здесь все мы не нужны, а там...»

ОБЕЗЬЯНСТВОВАТЬ. «Француз играет, немец мечтает, англичанин живет, а русский обезьянствует» (Гоголь в письмах и воспоминаниях, 1931).

ОБЛИЧАТЬ. М. Салтыков-Щедрин, письма Николая I к Поль де Коку: «Любезный статский советник Поль де Кок! Получив ваше письмо, что мне, как неограниченному повелителю миллионов, полезно по временам выслушивать обличения, я сейчас же послал за протоиереем Баженовым и, когда тот явился, приказал ему обличать меня. Но посмотрите, что он сказал: армия твоя наводит страх на всех твоих врагов, флоты твои по самым дальним морям разносят славу твоего имени, а чиновники с кротостью и любовью пасут вверенное им стадо. Судите сами по этим словам, как трудно управлять таким государством, как Россия!»

ОБЛОМОВ. По нему Рильке учился русскому языку, а Цветаева потом негодовала.

ОБЩЕНИЕ. Яновский спросил Шестова, почему он читает лекции по писаному. Тот ответил: «Нет сил смотреть на лица». С. М. Соловьев тоже читал лекции, закрыв глаза.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ. «За невольный грех и Бог не взыскивает... Одно слово, обязательное было время». (Мамин-Сибиряк. Варнаки).

ОЖИДАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЕ. «Классицист вызывает читательские ожидания и удовлетворяет их, а романтик вызывает и не удовлетворяет» (Т. Шоу). А дальше, вероятно, возникает ожидание неудовлетворения, и, чтобы обмануть его, нужно удовлетворить его и т. д. Так М. Дмитриев объяснял спор романтиков с классиками.

ОЗВУЧИВАТЬ. Катулл, 34, гимн Диане: «Чтоб владычицей гор была, / И хребтов зеленющих, / И укромных хребтов вдали, / И озвученных речек». Переводчик – Н. Шатерников. А неверный друг у него – назван *Иуда* (РГАЛИ).

ПИСЬМО ИЗ ОКСФОРДА:

Дорогая И. Ю.,

сообщаю, что английский город Оксфорд весь каменно-серый и травянисто-зеленый: серые циклопические стены колледжей и зеленые их дворы с лужайками: никогда не видел такой яркой зелени. «Ваш колледж называется Новый, но вы не думайте, он современник Куликовской битвы». Со времен Куликовской битвы все они сто раз перестраивались, но не теряя замшелого вида. Всего этих колледжей 36, и, как они складываются в университет, не знает даже мой приглашитель, который служит там двенадцать лет. Самый молодой строен перед войной, он гладенький, но тоже несокрушимо серый, острокрытый и с неременной колокольной, хотя церкви в нем нет. В остальных – тяжелые церкви, с входной стены тебе в спину смотрит орган, с передней, вместо иконостаса – четыре яруса готических святых, тоже узких, как трубы органа. «Это, конечно, реставрация, настоящих святых повыкидывали в пуританскую революцию». И наоборот, на главной улице высокий конус из узких стрельчатых арок – памятник протестантским мученикам. А вокруг главной библиотеки – полукруглая решетка с каменными квадратными столбами, на каждом бородастая греческая голова, но выглядят они почему-то не как гермы, а как тын царя Эномая с мертвыми черепами.

На боках колледжей – каменные доски с именами выпускников, погибших в двух войнах; на одной доске – два немецких длинных фон-имени: «они вернулись в отечество и отдали жизнь за него». Говорят, из-за этой доски был когда-то скандал. Внутри, в темном банкетном зале – портреты на стенах: темная парсуна в берете, сутана с отложным воротником, кафтан с пудренным париком, диккенсовские бакенбарды. Это попечители, к науке они не относятся. Банкет – при свечах, догорели – кончился.

За стенами (стены толстые, снаружи жарко, внутри холодно) теснятся домики без садов, дымовые трубы гребешками, а между домиками бегают двухэтажные автобусы желтого цвета. На одном обшарпанном домике написано: «Здесь проповедовал Уэсли» (в XVIII веке), а на другом, совершенно таком же: «Здесь жил Голсуорси». Не сразу соображаешь, что из первых этажей на тебя глядят не витрины и офисы, а деревянные крашеные двери частных квартир на крепких замках. Поперек города и университета идет старая городская стена, тоже серые глыбы на сером цементе, а вокруг тоже зеленые лужайки. Но это что! Настоящая гордость – квадратная узкая башня, такая же каменно-щербатая, XI век, норманны строили, а на ней часы с новеньким голубеньким циферблатом.

У Маяковского в американских очерках раздел начинается: «Океан – дело воображения» – и в простом море не видно берегов, но вот когда подумаешь, что такое безбрежье – на неделю назад и на неделю вперед, то оценишь. Так и Оксфорд: идешь мимо домов, а как посчитаешь, сколько веков с них смотрит, становится неудобно.

«Оксфорд» значит «бычий брод» – первое мелкое место на Темзе, где можно было перегонять коров из северной Англии в южную. Местные слависты переводят: «Скотопригоньевск». Я встретился там со старым знакомым, антиквистом и славистом сразу, я рассказывал, как Бродский говорил о Фросте: «для европейца за каждым деревом стоит история, а для американца пустота, ангуасс». Он спросил: «А для русского?» – «Не знаю». – «Наверное, Бродский тоже не знает».

Когда я прилетел, паспортист спросил: «Цель?» – «Научная конференция». – «Физика, или что?» – «Филология». – «Что такое филология?» – «Лингвистика и тому подобное». Он с улыбкой поставил печать.

ОМОВЕНИЕ. Б. Житков в письме к Бахаревой 31.9.1924: «По поводу «Мойдодыра» один здешний композитор говорит, что здесь все судьбы русской интеллигенции за последнее время. Умывание – это омовение от прошлой идеологии; упорствующие остались без брюк – [а] стоило пойти навстречу, как и прозодежда, и бутерброд».

– **ОПА.** Шенгели в рабочей тетради набрасывает на полях рифмы: *капитана Боппа, крика и вопа, прыга и гоппа, Родоппа, Эзоппа, подкопа, раскопа, окопа, скопа, копа, Перекопа, микроскопа, (теле-, спектро-, стерео-, хромо-, перископа), холопа, безблочно и бесклопо, антилопа, Пенелоппа, остолопа, эскалопа, галоппа, циклопа, Каноппа, протопопа, Партеноппа, укропа, стропа, метоппа, филантропа, мизантропа, оторопа, Мероппа, потопа, топа, Каллиопа, гелиотропа, ослопа, салопа, салоппа, поклепа, троппа, Антропа, эфиоппа, Синоппа, сироппа, при-топа-прихлопа, Степа, растреппа, питекантропа, пироппа, землекопа, рудокопа, недотепа, Конотоппа, губошлепа, хвостотрепа...* (РГАЛИ, 2861, 1, 10, л. 87об.). У Брюсова, Багрицкого, Цветаевой тоже бывали такие заготовки рифм на полях.

ОПАСНОСТЬ. «Революция толкнула Булгакова на опасный путь осознания происходящего».

ОПИУМ. В приютах его давали шалунам перед приходом знатных посетителей. («Рус. старина», 1890).

ОПОЯЗ. Чуковский цитирует С. Джонсона: Ричардсон смотрит на часы и видит, как они сделаны, а Филдинг смотрит и видит, который час.

ОПТИМИЗМ. Агитстихи З. Гиппиус 1917–1919 гг. удивительно похожи на людоедские стихи В. Князева того же времени и на «Убей его!» Симонова. Если люди в войну нуждаются в таких лютых стимулах, чтобы убивать друг друга, то, право, о человечестве можно думать лучше, чем обычно думают.

ОПТИМИЗМ. Самая оптимистическая строчка в русской поэзии, какую я знаю и вспоминаю в трудных случаях жизни, – это в «Коринфянах» Аксенова. Медея зарезала детей, сожгла соперницу, пожар по всему Коринфу, Ясон рассылает пожарников «и на Подол, и на Пересыпь», хор поет гимн огню со строчкой «укуси? укуси? укуси?», вестники браво рапортуют, что все концы выгорели дотла, – и Ясон, выслушав, начинает финальный монолог словами:

Но не в последний раз горит Коринф!

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ. Девочка хочет обрезать роскошную косу, чтобы сделать «оригинальную прическу». «Оригинальная – это какая?» – спрашивают родители. «Оригинальная – это как у всех», – уверенно отвечает дочь.

*Каждый здесь проходящий
Мнит, что он – судия,
В нем весь смысл настоящий,
В нем венец бытия.*

*Но из сфер, где собака
Тумбы правит закон,
Выбегают из мрака
Сто таких же, как он.*

Борис Лапин

ОРФОГРАФИЯ. Александр I жалел о невозможности запретить указом букву *ять* (Греч). Кажется, это реминисценция из разговора императора Тиберия с грамматиком, который сказал: «Ты пишешь законы Рима, а не законы языка».

ОТ и ДО. План воспоминаний Г. Шенгели: «Северянин, Волошин, Мандельштам, Дорошевич, Багрицкий, Брюсов, Бальмонт, Белый, В. Иванов, Рукавишников, Грин, Ходасевич, Цветаева, Есенин, Шершеневич, Маяковский, Пастернак, Антокольский, Аксенов, Бобров, Петников, Гатов, Кузмин, Нарбут, Ахматова, Адалис, Шишова, Олеша, Катаев, Ильф, Арго, Бурлюк, Бунин, Л. Рейснер, Рыжков, [нрзбр], Шкловский, Шкапская, Хлебников, Глаголин, Ходотов, Мурский, Дядя Ваня, А. Литкевич, Сюсю, Француз». То же в ямбах – «Он знал их всех и видел всех почти: / Валерия, Андрея, Константина, / Максимильяна, Осипа, Бориса, / Ивана, Игоря, Сергея, Анну, / Владимира, Марину, Вячеслава / И Александра – небывалый сонм, / Четырнадцатизвездное созвездье!». Велимира и Федора в стихах нет.

ОТЕЦ. Массон о гвардейском офицере, который в 25 лет продал всех мужиков и оставил баб, чтобы заселять поместье собственными силами.

«ОТЦЕУБИЙСТВО – это воздаяние добром за зло» (записи Хаусмена). Я вспомнил начало рассказа Бирса: «Однажды я убил моего отца, и по молодости лет это произвело на меня сильное впечатление. Я пошел посоветоваться к полицейскому начальнику. Он меня понял: он и сам был отцеубийцей с большим стажем...»

ОТЦЕУБИЙСТВО. Александр I не любил Кутузова не только из-за Аустерлица, но и потому, что накануне 11 марта Кутузов с женой тоже были на ужине Павла I.

ОТЦЕУБИЙСТВО. В Китае, писал Марко Поло, за все уголовные преступления можно от смертной казни отплатиться деньгами, кроме трех: отцеубийства, матереубийства и не по форме вложенного в конверт казенного письма (нет, кажется, за неправильно написанный адрес императору).

ОТЕЧЕСТВО. «Великая всемирная Отечественная война» было написано на обложке песенника 1914 г.

ОТЕЧЕСТВО. Один перчаточник, изобразив на вывеске огромную ручищу, просил подписать стих из «Дмитрия Донского»: *Рука Всевышнего отечество спасла*. Известно, разрешили ли (Вяземский).

ОТЕЧЕСТВО. С. Ав. сказал: «Не нужно думать, что за пределами отечества ты автоматически становишься пророком».

«ОТЧЕ НАШ» было напечатано в конце передовицы «Биржевых ведомостей» – никто не заметил. (Ясинский).

ОТКАЗ. Выписка из К. Ф. Мейера в дневнике А. Е. Дорофеева (РГАЛИ): легче отказаться от желаний совсем, чем наполовину. Зощенко повторял: не так важно исполнять желания, как иметь их.

ОТПУСК. «Все мы покойники в отпуску» – слова баварского Евг. Левинэ. До него это написала, сидя в тюрьме, Роза Люксембург. Но еще раньше был комик Алексид в «Тарентинцах» (цит. у Афинейя), только многословнее.

ОЦЕНОЧНОСТЬ. Стихи делятся не на хорошие и плохие, а на те, которые нравятся нам и которые нравятся кому-то другому. А что, если ахматовский «Реквием» – такие же слабые стихи, как «Слава миру»? См. VII, ПОЭЗИЯ.

«*Gesta Romanorum*» («Римские деяния» с «прикладами» и «выкладами») мы с М. Е. Грабарь-Пассек переводили для сборника «Памятники латинской литературы XIII в.», который три раза проходил через издательство «Наука», но на всякий случай так и не вышел.

33. О тщеславии. Повествует Валерий о том, что некий муж по имени Ператин сказал со слезами сыну своему и соседям: «О горе, горе мне! есть у меня в саду злосчастное дерево, на коем повесилась моя первая жена, потом на нем же вторая, а ныне третья, и посему горе мое неизмеримо». Но один человек, именуемый Аррий, сказал ему так: «Дивно мне, что ты при стольких удачах проливаешь слезы! Дай мне, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого было дерево, на котором могла бы удавиться его жена». Так и было сделано.

Н р а в о у ч е н и е. Любезнейшие! Сие дерево есть крест святой, на коем был распят Христос. Сие дерево должно быть посажено в саду человека, дондеже душа его сохраняет память о страстях Христовых. На сем древе повешены три жены человека, сиречь гордость, возжеление плоти и возжеление очей. Ибо человек, идя в мир, берет себе трех жен: первая – дочь плоти, именуемая наслаждение, другая – дочь мира, именуемая алчность, третья – дочь диаволова, именуемая гордость. Но если грешник по милости Божией прибегает к покаянию, то сии три жены его, не домогшись взыскаемого, удавляют себя. Алчность удавляется на вершии милосердия, гордость – на вершии смирения, наслаждение – на вершии воздержания и чистоты. Тот, кто просит себе отростки, есть добрый христианин, который и должен домогаться и просить доброго не только для себя, но и для ближних своих. Тот же, кто плачет, есть человек несчастный, возлюбивший плоть и все плотское паче, нежели то, что от Духа Святого. Однакоже и его человек добрый часто может наставлением повести по верному пути, и войдет он в жизнь вечную.

68. О том, что не должно умалчивать правду даже под угрозой смерти. В царствование Гордианово был в его державе некий благородный рыцарь, имевший красавицу жену, которая почасти изменяла в верности мужу своему. Однажды пустился супруг ее в долгое странствие, а она немедля призвала к себе своего любовника. А была у нее служанка, разумеющая язык птиц. И когда тот любовник пришел, в то время были во дворе три петуха. В полночь, когда любовник возлежал с госпожою, пропел первый петух, и, услышав это, госпожа спросила служанку: «Скажи мне, дражайшая, что сказал петух своим криком?» Та ответила: «Сказал он, что ты дурно поступаешь пред господином своим». Госпожа сказала: «Пусть зарежут того петуха!» Так и сделали. В положенный срок пропел второй петух, и спросила госпожа служанку: «Что сказал петух своей песнею?» Та ответила: «Сотоварищ мой умер за правду, и я готов смерть принять за правду его». Госпожа сказала: «Пусть зарежут петуха!» Так и сделали. А потом запел и третий петух, и спросила госпожа служанку: «Что сказал петух своим

голосом?». Та ответила: «Слушай, смотри, но ни слова, чтоб жить подобру-поздорову!» И сказала госпожа: «Этого петуха не убивать!» Так и сделали.

Нравоучение. Любезнейшие! Сей царь есть Отец наш небесный; сей рыцарь – Христос; супруга его – душа, с коею он вступил в брак чрез крещение; соблазнитель же ее – диавол, завлекший ее обманами мирскими; почему всякий раз, как мы уступаем греху, мы изменяем Христу. Служанка же есть твоя совесть, ибо она негодует на грех и непрестанно побуждает человека к добру. Первый пропевший петух есть Христос, ибо Он первый поборол грех; видя сие, иудеи его убили, как и мы ежечасно убиваем его подобным образом, когда предаемся греху. Под вторым пропевшим петухом разумеются святые мученики и иные многие, проповедавшие Его путь и учение; и они тоже ради имени Христова были убиты. Под третьим же петухом, сказавшим «Слушай, смотри...» и прочее, можно разумеет проповедника, которому должно печься о возвещении истины, но в сии дни он не осмеливается ее гласить. Потщимся же паки страшиться Господа и возвещать истину, да придем мы ко Христу, который есть истина.

106. О том, что следует бдительно противостоять козням диавольским. Жили некогда три товарища, и пустились они в странствие. Случилось так, что не оказалось у них никакого пропитания, кроме лишь хлебного ломтя, а были они весьма голодны; и сказали они друг другу: «Если разделим этот хлеб на три части, ни единый своей частью не насытится; давайте же здесь возле дороги ляжем спать, и кто из нас увидит самый удивительный сон, тот и возьмет весь хлеб». И легли. А тот, кто подал совет, встал и, пока они спали, съел весь хлеб и ни крошки товарищам не оставил. Пробудившись, сказал первый: «Дражайшие! видел я, будто с неба спустилась золотая лестница, и ангелы по ней нисходили и восходили, и душу мою на небо вознесли, и узрел я и Отца, и Сына, и Духа Святого, и велико было в душе моей веселие». Второй же сказал: «А я видел, как демоны железными и огненными крючьями извлекли душу мою из тела и жестоко ее мучили, говоря: доколе Бог царит в небеси, доколе ты здесь будешь пребывать». Третий же сказал: «Мне же привиделось, будто некий ангел предстал и молвил: хочешь ли видеть, где суть твои спутники? И я ответил: даже очень хочу, ибо страшусь, не похитили бы они хлеб наш насущный. И привел он меня к вратам небесным, и по его велению просунул я голову сквозь те врата и увидел тебя восседающего на златом престоле, а перед тобой яства и вина в изобилии. А засим привел он меня к вратам преисподним, и там увидел я тебя казнимого и спросил, доколе тебе сие, а ты мне ответил: во веки веков! поспеши же съесть наш хлеб, ибо ни меня, ни друга нашего ты более не увидишь. Тогда встал я и по слову твоему съел наш хлеб».

Нравоучение. Любезнейшие! под сими тремя спутниками надлежит понимать три рода человек. Под первым – сарацинов и иудеев, под вторым – богатых и сильных мира сего, под третьим – людей совершенных и богобоязненных; хлеб же сей есть царство небесное, и по заслугам каждого сему дается больше, иному меньше. Первые, сиречь сарацины и иудеи, спят во грехах своих и верят, будто обладают небесами, сарацины по слову Магометову, иудеи же по закону Моисееву, но вера сия есть не более, нежели сновидение. Вторые, сиречь богатые и сильные мира сего, хоть и знают без сомнения от своих проповедников и исповедников, что, скончавшись во грехах без покаяния, низойдут они в геенну на муки вечные, однакоже, невзирая на сие, грехи грехами умножают, как и в Писании сказано: «Где сильные мира сего, кои с псами и соколами забавлялись? мертвы они и в преисподнюю низошли». Третий же сотоварищ, кто ни во грехах, ни в вере ложной не вкушает сна, но бдит, совершая дела добрые, совет ангела выполняя, сиречь дары Духа Святого приемля, тот жизнь свою таким путем направляет, что хлеб, сиречь царство небесное обретает.

П. Лингвистическая статистика. Набравшие покойного М. П. Погодина знали, что для статей его нужно запастись в особенном обилии буквой **П** (восп. Гилярова-Платонова). Теперь это назвали бы гипограммой собственного имени.

ПАВЛИК МОРОЗОВ. Не забывайте, что в Древнем Риме ему тоже поставили бы памятник. И что Христос тоже велел не иметь ни отца, ни матери. Часто вспоминают «не мир пришел я принести, но меч», но редко вспоминают зачем.

ПАГАНЕЛЬ. Брюсов говорил о Бальмонте: «Когда захотел переводить Ибсена, стал изучать шведский язык» (восп. Ал. Вознесенского).

ПАМЯТЬ. Письмо от М. Червенки: «Благодарю Вас за второй экземпляр Вашей книги и за все следующие, если Вы захотите их прислать: видимо, у нас с Вами общая не только любовь к стиху, но и забывчивость – о моей я мог бы рассказать много анекдотов, но уже их забыл».

«**ПАНЕГИРИК** – дурацкое слово, вроде пономаря» (Цветаева в письмах).

ПАРКЕТ. Разговор с С. Ав.: «Когда Мандельштам обзывал Ахматову паркетной столпницей за однообразие словаря, то ведь собственный его словарь в это время был едва ли не беднее...» – «Ну, это просто значило, что он перешел на другую паркетину».

ПАРОДИЯ. А. Платонов в некрологе Архангельскому писал, что пародия – это путь к обновлению языка. Не ключ ли это к стилистике Платонова?

ПАРОДИЯ. Всякий конспект может быть воспринят как пародия полноты: даже Пушкин как конспект мировой культуры.

ПАРОДИЯ. Полежаев – пародия на Овидия, как Николай I – пародия на Августа.

ПАРТИЙНОСТЬ. «Пастернак по натуре был беспартийным, как Маяковский – партийным, а Мандельштам – надпартийным» (В. Марков).

*Мне позвонили из «Сов. энциклопедии» и предложили сделать однотомный словарь по поэтике, в одиночку или с кем хочу. Я задумался: про пиррихий, антиметаболу и даже ретардацию я напишу, а вот про партийность или народность? Но, задумавшись, придумал определение: партийность – верность идеологии, которую не сам выработал. Коммунистическая партийность советской литературы, а еще пище – христианская партийность средневековой литературы. (Потом я нашел у Брехта обратное: «Для искусства беспартийность означает принадлежность к господствующей партии».) Словарь не вышел: в поисках соавторов я написал Жолковскому, он ответил письмом на латинской машинке, *chto v skorom vremeni uezhaet*. Это единство содержания и формы произвело на меня впечатление, и я прекратил поиски, а «Энциклопедия» скоро передумала.*

ПЕРЕВОД нужен отдельный не только для чтения и для сцены, но и для каждой постановки. Козинцев ставил не «Гамлета», а пастернаковский перевод: подставить под его кадры перевод Лозинского невозможно.

ПЕРЕВОД. «Кто дает буквальный перевод Писания, тот лжет, а кто неточный, тот кощунствует». (Иехуда бен Илаи. Цитируется в предисловии к переводу Новалиса, а оттуда взято эпиграфом к переводу Моргенштерна).

ПЕРЕВОД. К. не мог напечатать статью против переводов Маршака; тогда он стал рассуждать: «Маршак – еврей, кто у нас против евреев?» – и напечатал ее в альманахе «Поэзия». Хотя сам был еврей с отчеством Абович.

ПЕРЕВОД. Самая переводимая книга – Микки-Маус, затем Ленин, затем Агата Кристи; Библия отодвинулась на четвертое место (данные на 1988 г.).

«Искусство тяжелая проблема вообще. А искусство перевода вообще тяжелая проблема», – пародическая речь в воспоминаниях Е. Благиной. См. СВОБОДА.

ПЕРЕВОД. Самый точный стихотворный перевод, который я сделал, – это автоэпитафия Пирона:

Ci-git Piron. Il ne fut rien:
Pas un academicien.
Здесь спит Пирон. Он был никем:
Ни даже а-ка-де-ми-кем.

Существует история, будто Пирон вдруг подал на вакансию в ненавистную ему Академию. Друзья удивлялись, он говорил: «А вот меня выберут, произнесут в честь меня речь, будут ждать ответной, а я вместо этого только скажу: «Спасибо, господа!» – и послушаю, как они мне ответят: «Не за что...» Л. И. Вольперт сказала: «А вы понимаете, в чем здесь пунт? Вообразить, что Пирона примут в Академию, – возможно; а вот вообразить, что, принятый, он обойдется без ответной речи, – это уже невозможно». С такой структурой есть английские анекдоты о чудаках.

«ПЕРЕВОДЫ – Сибирь советской интеллигенции» (Кл. Браун в книге о Мандельштаме). Иначе: «Бежать в служенье чужому таланту из собственной пустоты» (дневн. А. И. Ромма, РГАЛИ).

ПЕРЕВОДЫ. Тайна русского народа была бы понятнее иностранцам, если бы они могли читать не только Достоевского, а и Щедрина. Но Достоевский переводим (как детектив и как философский трактат), а Щедрин непередаваем, и не из-за реалий и аллюзий, а потому что стилистическое богатство его ехидства абсолютно непередаваемо. Передать исхищенную точность щедринских слов мог бы разве Набоков, но для Набокова Щедрин не существовал. (А ведь было у них общее свойство: способность уничтожить одним словом. Их сравнивал еще Бицилли.)

Е. Витковский сказал: «Передо мной положили два текста перевода Семенова-Тян-Шанского из Горация, такие, что я спросил: это разные?» Я объяснил: это я редактировал старые переводы для однотомника 1970 г., в некоторых текст совсем исчезал за правкой, и лишь, словно в окошечках, виднелись первоначальные слова. «Да, знаю; я однажды редактировал Эйхendorфа, так там и окошечек не осталось».

Когда дело дошло до верстки, я заметил, что в одном стихотворении в окошечках уже не те слова; посмотрел в оглавление, там другая фамилия – это соредактор поставил вме-

сто старого перевода молодой. Я рассказал об этом случае Т. Луковниковой из секции переводчиков, она сказала: а вот у нас был переводчик – процитировал четверостишие в чужом переводе, изменив одно слово, а потом, при переиздании того перевода, потребовал подписать его двумя именами. «Назвала?» – спросил Витковский. «Нет, я честно не интересовался». – «Это М., а правил он перевод Н.».

ПЕРЕСТРОЙКА. «В машине есть мертвые точки, которые надо проскакивать, а не проскочишь – стоп». «Европы сразу не заведешь». «Люди лыковой культуры». «А я себя чувствую, как на корабле с течью» (Б. Житков, письма 1921 г., РГАЛИ, 2185, 1, 4). О себе: «Всех хочу сделать счастливыми, а характер аракатеевский». С Лениным он виделся, стажирясь в Копенгагене, тот расспрашивал о положении в России.

ПЕСНЯ. Н. Я. Мандельштам пишет запевками и припевами: в конце каждого абзаца об О. М. или о чем угодно у нее следует суждение о нашей подсоветской жизни, как сентенция в конце античного монолога.

ПЕТЛЯ. «Он изобрел пуговицу, а петлю-то изобрел я». – «И вы поссорились?» – «Конечно» (А. Жид. Новая пища).

Ну уж, ладно! Коль от петли
Недалеко до петли —
Так сначала не запеть ли:
Ай люли?

Г. Оболдуев

ПИЛОС. Есть знаменитое стихотворение: «...Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал», автор – К. Петерсон. Е. О. Путилова установила, что это был тайный советник, пасынок Тютчева, а потом уточнила, что это был другой К. Петерсон, не тайный, а титулярный советник. Так Воейков о некотором тщеславном литераторе поместил объявление: «У действ. ст. сов. такого-то пропала собака» и т. д., а в следующем номере – исправление опечатки: «Следует читать: у губ. секр. такого-то...»; Пушкин считал это лучшей сатирой Воейкова (Вяземский). Я вспомнил греческую пословицу: «Есть кроме Пилоса Пилос, но есть еще Пилос и третий».

ПЛЯЖ. Цветаева считала, что «пляж» вместо «плаж» – вульгаризм (письма Шаховскому). Это понятно, «плаж» – архаичнее: при Мятлеве рифмовали «par là – орла», в XX веке «voilà – земля». У Брюсова есть стих. «На плаже»; напрасно издатели, очень бережные даже к брюсовской пунктуации, все-таки переделали его в «На пляже».

ПЛЮРАЛИЗМ – против чего? против сингуляризма? Русский плюрализм с дитей без глазу.

ПОДЛИННОСТЬ. С. Аверинцев в интервью («Огонек», 1986, № 32) призывал уважать старину и ценить подлинность. Мне, не имея отца и деда, трудно понять первое и, будучи переводчиком (как и С. Ав.), трудно понять второе. Подлинность подлинна только тогда, когда не замечается. О. Седакова сказала: а Умберто Эко в докладе, наоборот, очень пространно и патетично рассуждал, что никакой подлинности на свете нет и быть не может. Но когда пошли обедать, он так вдумчиво вникал в меню, что я подумала: нет, кое-что подлинное для него есть.

ПОДТЕКСТ. «Каждое честное клише мечтает кончить жизнь в знаменитых стихах», – цитируется у К. Келли.

ПОДТЕКСТ. «Раскрывать подтексты собственной эрудиции».

ПОКОЛЕНИЕ. Три поколения русских мужиков: косноязычные с междометиями, говоруны-краснобаи и уклончиво молчащие (Тургенев у Гонкуров, 1 февр.1880 г.).

«ПОЛИТИКА, ж., греч., – наука гос. управления; виды, намеренья и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые. *Политика – тухлое ялицо* (Суворов). Вообще уклончивый и samotный образ действий. **ПОЛИТИК**, м., – умный и тонкий (не всегда честный) гос. деятель, вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать» (Словарь Даля).

ПОЛИТИКИ. В начале перестройки главной радостью была мысль: «Как много у нас, оказывается, есть политиков!» А теперь, глядя на общую борьбу, мучишься мыслью: как мало у нас политиков для такого большого народа.

«ПОЛИТИКОЛЕПНАЯ Апофеозис» назывался панегирический сборник в честь Петра I в 1709 г. Ср. «Царь Максимилиан, зверолепный и богометный».

ПОНИМАНИЕ. «Все простить значит ничего не понять» (Степун, «Из писем прапорщика»).

ПОНИМАНИЕ. «Ты пойми нас, а не то мы тебя поймем!» – говорят у А. Платонова: общество разговаривает с человеком так, как до него разговаривала природа.

ПОНИМАНИЕ. Анкета в «Аргументах и фактах»: кто, по-вашему, лучше всех поймет вас в несчастье? Сдвиги после 2000 г.: реже упоминаются *мать-отец, муж-жена, сын-дочь*, наравне – *брат-сестра, человек в похожем положении*, чаще – *случайный встречный, собака, кошка*.

ПОНИМАНИЕ. *Понимание* – это то, что можешь пересказать, *восприятие* – то, чего и не можешь; принимать одно за другое опасно. Из хасидских притч: «Вы мою проповедь не поймете, но все равно слушайте, потому что когда придет Мессия, вы его тоже не поймете, поэтому привыкайте».

Рассказывал Ю. Шичалин. На вступительном экзамене девочка изумительно прочла «Пророка». «А кто такой серафим?» – «Херувим». (Я бы удовлетворился.) «А что такое зеница? десница?» Не знает. Ш. обращается к ожидающим очереди: «Есть ли кто-нибудь, кто знает, что такое десница?» Мрачное молчание, и из угла унылый голос: «Я знаю, только объяснить не могу».

ПОНИМАНИЕ. «Деструктивизм учит нас не понимать привычных классиков». – «Не надо, мы и так их не понимаем!» – «Вы неинтересно не понимаете, а мы учим интересно не понимать».

ПОПЫХИ. «Признаться, самому до смерти / Мне надоели попыхи: / Куда тебя ни сунут черти, / Весь мир исполнен чепухи» (Фет).

ПОРНОГРАФИЯ. Лев Толстой порицал за порнографию «Последнюю любовь» Тютчева (Н. Гусев), а у Брюсова «Ennui de vivre» понравилось ему больше «Каменщика».

ПОРЯДОК. Воспоминания дочери о Шолом-Алейхеме: «Когда все у него на столе расставлено в порядке, он не пишет: сидит и любит на порядок».

ПОШЛОСТЬ. «Что такое *poshlost*? – подражания подражаниям, фрейдистские символы, траченные мифологии, «момент истины», «харисма», абстракционизм роршаховских пятен, рекламные плакаты и «Смерть в Венеции». Когда мне станут подражать, я тоже стану пошлостью, но еще не знаю, в каком контексте» (Набоков. Strong opinions).

ПОЭЗИЯ – «исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе» (К. Сандберг, цит. в словаре Роже).

ПРАВДА. «Говорить всегда правду – это тоже эстетская прихоть», – замечал Олейников (в том самом разговоре, в котором Заболоцкий сказал, что хочет взять фамилию Попов-Попов, вероятно, вспомнив генерала Май-Маевского). А И. Аксенов писал: «На всякий вопрос можно ответить так, чтобы это было правдой» (Благородный металл).

ПРАВО. «В связи с посмертной реабилитацией восстановить тов. Введенского А. И. в правах члена СП СССР с 27 сентября 1941 г.». Подлинный документ от 19.6.1964. А то еще было постановление: в уважение к заслугам посмертно принять М. Кульчицкого, П. Когана и др. в члены Союза писателей. Какое самоуважение нужно для такого почета!

ПРЕДКИ. «Истинный мистик, как истинный джентльмен, никогда не теряется: ряд перевоплощений так же бодрит, как ряд предков» (биография Йейтса; транскрибировать ирландскую фамилию биографа не могу).

ПРЕДКИ. «Кто твой отец?» – спросили мула. «Я от кобылы-одиночки», – ответил мул. Нынешнему возрождению русского дворянства следовало бы взять девизом «Наши предки Рим спасли». Генеалогическое дерево, генеалогический пень.

ПРЕДКИ. «Старец Шварец» Саши Черного был правнуком знаменитого масонского святого.

ПРЕДКИ. У Белинского прадед неизвестен, дед – сельский священник, отец – военный лекарь с репутацией вольнодумца, мать – мелкая дворянка: как у всех русских пишущих людей, замечает Михайловский, «немножко дворянства, немножко поповства, немножко вольнодумства, немножко холопства» (А. Волынский).

ПРИШЕЛЬЦЫ. З. Гиппиус, как и А. Белый, была пришелицей, только с неудобной планеты.

ПРОГРЕСС. В младших классах меня били, в старших не били, поэтому я смолodu и уверовал в прогресс.

ПРОГРЕСС. Для вас прогресс банальность? Но только благодаря прогрессу мы с вами и разговариваем: тысячу лет назад мы бы оба умерли во младенчестве. Цитируя трогатель-

ные слова Достоевского о слезинке ребенка, забывают, что столетием раньше они не имели бы никакого смысла: детская смертность была такова, что жалость к ребенку была противостественна. В середине XVIII в. в Англии, а затем во всей Европе начался демографический взрыв (одни говорят – от успехов медицины, другие – от улучшившегося питания), и чувства переменились. Ср. **РОМАНТИЗМ**.

ПРОГРЕСС. Читатели нового времени удивлялись: почему Эдип, получив пророчество, что убьет отца, не стал избегать любого убийства или хотя бы столкновения с любым стариком, а вместо этого сразу подрался с незнакомым Лаием? Ответ: просто в Греции невозможно было прожить жизнь, никого не убивши, хотя бы ополченцем в будничной межевой войне. Вот что такое прогресс.

«**ПРОГРЕСС** не выдумка, потому что для позднего человека открыта возможность общения с гораздо более широким кругом «вечных спутников» (Бицилли).

ПРОЗА. «Мужчинам Цветаеву нужно начинать с прозы», – сказала при мне веская писательница. Я долго думал почему, но ничего не придумал.

ПРОЗА. «Что такое проза?» – спросили известную детскую писательницу на встрече с юными читателями. Она ответила: «Вот однажды я потеряла страницу рукописи, пришлось восстанавливать несколько дней, потом нашла прежнюю, и оказалось – слово в слово».

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ. «Профессиональная красавица», – хочется сказать о С. Андрониковой или Глебовой-Судейкиной. А об Андрее Вознесенском – «профессионально молодой».

ПРОФИЛЬ. «Вы говорите в профиль», – сказал Волконский Цветаевой.

В университете под большим портретом Ломоносова в фойе неизвестный человек меня спросил: «А почему он всегда изображается в таком повороте? нет ли профилей?» Я объяснил. «А то я пишу фигурные стихи, на машинке, цветными лентами (так трудно достать!), и в профиль получается узнаваемо, а в фас – вот я только что делал Горбачева – очень трудно!»

ПСИХОАНАЛИЗ, его формула: «стоит ли мучиться, что ты хуже других, только оттого, что это правда?» (откуда?). На вопрос, что ему дала философия, стоик отвечал: «С ней я делаю добровольно то, что без нее делал бы подневольно».

ПУБЛИЦИСТИКА. «Чехов относился к России, как врач, а на больного не кричат» (Ремизов. Петерб. буерак).

РАССТРЕЛ. Курочкин сказал о Плещееве, что с 1848 г. он так и ходит недорасстрелянный (Скабичевский).

РЕВОЛЮЦИЯ. В «Литературной учебе» была статья о том, что Николай II был прав даже в 1914 г., потому что для искупления Россия нуждалась в войне. «Может быть, и в революции?» – «Пожалуй, но чтобы во главе ее были истинно православные». – «А-а, это как в Иране».

РЕВОЛЮЦИЯ. Каменную старуху Веру Фигнер робко спросили: «А если бы вам удалось победить – что тогда?» Она ответила: «Созвали бы земский собор, учредительное собрание, оно приняло бы конституцию – убогую, скаредную, мещанскую; и мы бы поклонились и отошли прочь, потому что это и была бы народная воля». Щедрин, отвечая благодарностью на известную аллегорическую картинку, поднесенную студентами к юбилею, писал: «Только вот на горизонте у вас просвет виднеется; я понимаю, что это по жанру так положено, но мы-то с вами знаем, что на самом деле никакого просвета нет». Если не помнить об этом чувстве обреченности, нельзя понять русскую революцию.

РЕДАКТОР. «По редакторскому опыту я могу по переводу сказать, добрый переводчик или злой», – говорила Ольга Логинова.

РЕЛИГИЯ. Пятница так объяснял Робинзону, какая религия у его племени: надо взобраться на самую высокую гору и крикнуть: «О-о-о!»

РЕМАРКА. «Нынешняя революционная поэзия – это ремарка поведения статистов революции, а высоких зрелищ зритель – он молчит и думает про себя» (А. Ромм. Поэзия ремарки – РГАЛИ, 1525, 1, 128, в «Гиперборее», рядом со статьей Б. Грифцова «О необязательности литературы»).

РИТМ. Два главных гимнических ритма, *Aeterne rerum conditor* и *Pange, lingua, gloriosi*, в точности соответствуют двум русским: «Идет коза рогатая» и «Прилетели две тетери, поклевали, улетели».

РИТОРИКА. Напрасно думают, что это – умение говорить то, чего на самом деле не думаешь. Это – умение сказать именно то, что ты думаешь, но так, чтобы не удивлялись и не возмущались. Умение сказать свое чужими словами – именно то, чем всю жизнь занимался ненавистник риторики Бахтин. Музы в прологе к «Феогонии» говорят:

Мы знаем, как сказать много неправд
Похожими на правду,
Но и знаем, как выговорить правду,
Когда хотим.

Издавали «Историю всемирной литературы», я писал введение к античному разделу. Н. из редколлегии в яркой речи потребовал приписать, что Греция создала тип прометеевского человека, который стал светочем для прогрессивного человечества всех времен. Я выслушал, промолчал и написал противоположное – что Греция создала понятие закона, мирового и человеческого, который выше всего и т. д., – но пользуясь лексикой, свойственной Н-у. В результате и Н., и все в редколлегии остались совершенно довольны. Кто хочет, может прочитать в I томе «Истории всемирной литературы».

РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА. Открытка 1964 г., с картинкой и подписью: «Наилучших пожеланий в Новом году!» (в архиве Квятковского).

РОМАНТИЗМ был последствием демографического взрыва, который начался в середине XVIII в. в Англии, а потом волнами разошелся по Европе. До этих пор человечество много тысяч лет боролось с природой за выживание, и большие эпидемии или неурожаи могли уничтожить его даже не вполовину, а целиком. Чтобы выстоять, оно спланивалось в общество.

Ситуации борьбы были однообразные, важно было копить опыт и хранить традиции. В XVIII в. стало ясно, что победа одержана, человечество спаслось от вымирания. Борьба с природой из оборонительной стала наступательной, ситуации ее сразу сделались гораздо менее предсказуемыми, коллективного опыта для них было уже недостаточно. Говорят, в звериных стаях есть особи-маргиналы с нестандартным поведением: их держат в унижении и пренебрежении, однако не убивают. А когда стая оказывается в нестандартной опасной ситуации, их выпускают вперед: если погибнут, не жалко, а если не погибнут, то, может быть, отыщут выход. Вероятно, в человеческой стае тоже есть такие маргиналы с таким же отношением к ним; теперь спрос на них вырос, они и стали романтическими героями. От них требовалась только нестандартность поведения – любая: можно было быть святым, а можно злодеем, в новом мире мог пригодиться и тот и другой. Двоемирие и пр. было обоснованием постфактум; житейское поведение, «романтизм и нравы», бравада необычностью ради необычности и т. д. были следствиями. Романтизм начала XIX в. и модернизм начала XX в. были двумя волнами («почему я должен рассуждать, как отцы?» – «почему я должен рассуждать, как профессора химии?»). Все очень стройно, лишь одно заставляет сомневаться: в середине XVIII в. был не один, а два демографических взрыва, второй – в Китае, и ни индивидуализма, ни романтизма там не произошло. Почему бы это?

РУБИК. В принстонской библиотеке старая часть расставлена по одной классификации, новая по другой, и кусочки этих частей растасованы по 6 этажам в непредсказуемом расположении: больше всего похоже на кубик Рубика.

РЫНДЫ. В Китае XVII–XVIII вв. для безопасности императора его телохранители при троне были вооружены деревянным оружием.

ПИСЬМО ИЗ РИМА:

... В Риме самое пугающее – автомобили, вдвое быстрее наших, и полчища мотороллеров, быстрее автомобилей. Перейти улицу – подвиг. У тротуаров парковка в два ряда – не знаю, как они выезжают. Всюду ремонтные леса и пыль – отстраиваются к 2000-летнему юбилею Господа Христа. В Колизее среди обглоданных временем арок светлыми пятнами глядят гладенькие новоотстроенные стены и своды – вдруг его тоже решили восстановить? Перед Колизеем статисты в псевдолегионерских одеждах (золотой шлем, красный плащ) – можно сняться рядом; говорят, это с тех пор, как зачастили японские туристы. В прошлый раз я смотрел на форум сверху и ничего не мог разобрать в его кирпичной каше – теперь прошел понизу, как будто между зернами этой каши, но все равно ничего не мог разобрать. Дома с садиками называются виллами, в такой вилле Монтефьори была наша конференция; раньше там жила любовница первого всеитальянского короля, а потом был женский монастырь, и чугунные перила до сих пор украшены крестами...

САМ. «НН слишком рано пошел своим путем, пренебрегая сделанным другими» (слова А. Н. Колмогорова).

САМО. «Раздел 7. Нечто о средствах к устранению самоповешения у народов финского племени» («Вестник Имп. Рос. геогр. общ-ва», 1853).

САХАРА. Гумилев говорил Г. Иванову: я ее не заметил, я сидел на верблюде и читал Ронсара. Так Кусиков, когда его устыдили, что нехорошо жить в Париже и не видать Версаля, поехал в Версаль, просидел там полный день в трактире и вернулся в Париж.

СВЕРХУ. Александр I в 1814 г. в Лондоне просил у вига Грея доклад о средствах создания в России оппозиции.

«**СВОБОДА** нужна не для блага народа, а для развлечения», – говорил Б. Шоу.

СВОБОДА. Гиппиус – Берберовой, 27 авг. 1926 г.: свобода ни с чем не считается – «это, скорее, рабство и покорность желанию собственной левой ноги»; Ходасевичу, 22 сент. 1926 г.: «Пишущий должен знать, что ему предоставлена свобода самому ограничивать свою свободу, а достоин ли он такой свободы, – это редактор, конечно, решает...».

СВОБОДА. В чукотском языке нет слова *свободный*, есть выражение *сорвавшийся с цепи*; так писали в местной газете про Кубу. Поэт М. Тейф говорил переводчикам: «Даю вам полную свободу, только чтобы перевод был лучше оригинала» (восп. Л. Друскина).

СВОБОДА СОБРАНИЙ. Петровский указ – «фендриков разгонять фухтелями, понеже что фендрик фендрику может сказать умного?» (письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

Здесь каждый охотно встретить готов
Свободу мышей при свободе котов.

И. Сельвинский

СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА (лингв.). У А. М. Топорова в книге «Крестьяне о писателях», 1930 г., о поэме Пастернака говорится: «Связанных слов нисколько нетути. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его, еще скажет, опять завяжет. Передние, средние и задние – все завяжет в одно. А в этом стиху слова, как скрозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки». (Книга, очень похожая на «Народ на войне» Федорченко.)

СВЯТОЙ. На вечере памяти М. Е. Грабарь-Пассек С. Аверинцев начал так: «Лесков говорил, что в России легче найти святого, чем честного человека, – так же можно сказать, что легче найти гения, чем человека со здравым смыслом и твердым вкусом...» и т. д.

СЕЛЯНКА. Мережковский приставал к Чехову с вечными вопросами, а тот говорил: «Не забудьте, что у Тестова к селянке большая водка нужна». Ср. в «Даме с собачкой»: «Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!» – «А давеча вы были правы, осетрина-то с душком».

Алданов: «Надо было наговорить столько лишнего, сколько мы наговорили, чтобы понять, как он был прав, когда молчал». Это А. Лютер сказал, что у Достоевского люди не едят, чтобы говорить о Боге, а у Чехова обедают, чтобы не говорить о Боге.

СЕРЕДИНА. «Итак, немного о себе. Я родился около середины века, в 1932 году...» (В. Цыбин. О своем. Избр. произв., 1989, т. 1, с. 5).

СЕРЕДИНА СТРАНСТВИЯ ЗЕМНОГО. «В 35 плюс-минус два года люди или умирают, или меняют жизнь, бросают работу, жен и т. п.», – объясняли мне. Даже Высоцкий сочинил про это песню. У Петра I в этом возрасте была Полтава, у Цветаевой – ее звездный 1926 год, когда она лихорадочно дирижировала двумя великими поэтами. Блок весной 1918-го часто повторял, что ему 37 лет (восп. Книпович). А Жуковский, верный себе, в 37 лет написал: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

СИНОНИМ. В. Марков комментирует стих Бальмонта из «Зарева зорь»: *Твой поцелуй – воистину лобзание* – «строка, которую должны бы цитировать специалисты (но не цитируют)».

СИТУАЦИЯ. В. Холшевников сидел, ждал электричку, подошел пьяный: «Вы интеллигентный человек, и я интеллигентный человек, вы меня поймете: я артист, мой отец у Соколова перед Распутиным пел, а теперь от нас образованности требуют. Ну скажите, зачем интеллигентному человеку образованность? артисту не образованность, а талант нужен!» и т. д., а в конце сказал загадочную фразу: «Ситуация преодолевает сибординацию!!»

СКВЕРНОЕ. «Как о человеке, обо мне может рассказать Экстер, как о собеседнике – Бердяев, а все самое скверное – это тоже бывает нужно – Эльснер», – писал Аксенов Боброву.

Об Эльснере рассказывал А. Е. Парнис. Эльснер был с Аксеновым шафером на киевской свадьбе Гумилева и Ахматовой и уверял, что это он научил Ахматову писать стихи. (Аксенов потом собирался писать параллельный анализ сочинений Ахматовой и Вербицкой под заглавием «Писарство и чистописание».) Почему не эмигрировал? «Хотел посмотреть, чем кончится». В Тифлисе имел хобби: жениться и отсылать жен за границу (как?). Зарабатывал сочинением диссертаций для грузин. Последняя вдова настаивала, чтобы его похоронили на Мтацминде – но пока грузины об этом советовались, перевезла прах в Москву и похоронила... (в Кремлевской стене? подымай выше!) в Переделкине рядом с Пастернаком.

СКЕЛЕТ. Емельянов-Коханский, автор «Обнаженных нервов», хотел выпустить и вторую книгу, «Песни мертвеца», с новым своим портретом в виде скелета, но встретились цензурные трудности (Белоусов).

СЛАВА. Бальмонт об автобиблиографии Брюсова: «делопроизводитель собственной славы» (из письма Е. Архиппова Альвингу, РГАЛИ, 21, 1, 11). Твардовский о Маршаке: «крохобор собственной славы» («Знамя», 1989, № 8). А потом – юбилейная речь.

СЛАВА. Флобер восхвалял «Войну и мир» (это цитируется), но признавался, что не дочитал до конца ее философию. Мировая слава пришла к Толстому, когда он начал тачать сапоги (Алданов).

СЛАВЯНСТВО. «День святителей Кирилла и Мефодия был отпразднован обедом, данным в залах дворянского собрания. Против царской ложи была водружена хоругвь, принесенная в дар слепцом-писателем Ширяевым. Меню было составлено из одних исключительно славянских названий. Посреди него была изображена географическая карта славянских земель с надписью: «Одним бы солнцем греться нам» (Неведомский).

СЛОВО. «Теперь я буду говорить не для того, чтобы нечто сказать, но дабы не умолчать», – говорил протоиерей Сергиевский, приступая к догмату св. Троицы.

СЛОЖНОСТЬ. А. И. Ромм о Пастернаке в дневнике: «...и у него сложные отношения с женой, которая любит музыку Прокофьева и такие слова, как «яркое переживание» (РГАЛИ, 1495, 1, 80).

СЛОН. В Париже в 1945 г. выходила русская газета «Честный слон». «Отчего такое веселое название?» – спросил я. «Ну, все-таки война кончилась...» – ответил Л. Флейшман.

СЛУЖБА. М. Ф. Андреева спросила Муромцеву-Бунину: «Сколько лет вы служите Ивану Алексеевичу?» Муромцева, однако, обиделась. Е. Архиппов писал Альвингу: «Чем живете, чему поклоняетесь? Какое имя владеет Вами?» (РГАЛИ).

СЛУЖБА. Юродивый Никитушка за вызов к Александру I получил чин 14-го класса (Мельгунов).

СМЕРТЬ. «Просить Господа Бога, чтобы снял меня с иждивения» (Цветаева – Пастернаку). «Умер, как большая, отслужившая вещь» (она же).

СОВЕСТЬ. «Впрочем, попы стыдились таких проповедей, но не совестились» (Гиляров-Платонов). Я вспомнил знаменитую статью В. Н. Ярхо «Была ли у древних греков совесть?».

СОКРАТ. «Познай самого себя»: гусеница, которая познает себя, никогда не станет бабочкой (А. Жид).

СОКРАТ. Сын моей сотрудницы. мечтал изобрести лекарство «сократин», чтобы можно было не болеть, но сократить жизнь с конца за счет невыполненных болезней.

СПАРТА. «Способность относиться к себе со спартанской суровостью умиляла его до слез» (Ходасевич об Александре I).

СПОНТАННЫЙ. «Вы не позволяете себе спонтанных движений». Мои спонтанные движения всегда кого-нибудь ушибают. Самое безобидное мое спонтанное движение – считать рифмы Мариенгофа.

СТАЛИН. «В Европе XV века власть почти повсюду принадлежала сталиным» (Алданов)

СТАРОЕ И НОВОЕ. «Многие борются против нового не оттого, что привержены к старому, а оттого, что первые ряды поборников нового уже заняты, а быть во вторых они не хотят». – писал Ларошфуко. «Это о нашем НН», – сказала И. Ю. Подгаецкая.

СТИЛЬ. «Ввиду моего стиля, который мне противен, но от меня не зависит...» (из письма И. Аксенова к С. Боброву). «Стиль мове гу» из «Бани» Маяковского – шутка, записанная еще Д. Философовым: «“стиль мове гу”, как выразился один столяр».

СТИЛЬ. «По сторонам от дороги, вправо и влево, волочились горемычные облака; исподволь угнетали душу убогие ужасы предместья; ныли телеграфные столбы, и качался, тужился против ветра, виляясь в педалях, упрямец велосипедист... Но тут, буравя мозги, заверещал мстительный – за вчерашнее с кряком ковыряние в его спине – будильник, к нему тупо подтопали, цапнули за глотку, он брызнул по пальцам душителя предсмертным клекотом и затих. В одеяльное шерстяным рупором ущельице гляделось скудное утро. Я думал тихо: умереть бы». Это не Набоков; угадайте кто?

СТИЛЬ. И. Тронский говорил В. Ярхо: нельзя ради стиля переводить коров Гелиоса быками Гелиоса – какой дурак станет держать быков стадами?

«СТРАННО, право, что эти люди ничего не понимают, но гораздо страннее, что это для меня странно» (Фет Л. Толстому, РГАЛИ, 21. 01. 1879).

СТРАХОГОВЕНИЕ. «Нигде высшую церковную иерархию не встречали в качестве премников языческих волхвов с большим страхованием, как в России, и нигде она не разыгрывала себя в таких торжественных скоморохов, как там же. В оперном облачении с трикирием и дикирием в храме, в карете четверней с благословляющим кукишем на улице, со смиренно-наглым и внутрь смеющимся подбострастием перед светской властью, она, эта клобучная иерархия, всегда была тунеядной молю всякой тряпичной совести русского православного слюнтяя» (Ключевский. Письма, 1968).

Сон сына, самый главный. Книга в серии сказок издательства восточной литературы: «Эскимосский Христос – Фрол Иванович Дрохва-Тетерников: местные сказки и предания. К 150-летию со дня рождения». Вначале – запись автобиографии. Ему смолodu было предсказано погубить девять душ. Впрямь был буен, секом, еще при крепостном праве убил деревенского соседа, сдан в солдаты, убил шестерых горцев, за храбрость взят в денщики сибирским губернатором, зарезал его восьмым и бежал к эскимосам вместе с другим денщиком, Петрушкою, взяв лишь Библию и букварь, а был неграмотен. Перекамлал насмерть главного шамана, женился на белой куропатке, его вдове, воспевался под именем тетерева на разных диалектах («взлетел на ветку и стал гласить Нагорную проповедь...»), переложил Библию на эскимосский язык: «Царь Соломон ушел от дел, эхой! и тогда пришли тулы, эхой! и опережали зайцев, эхой! и прыгали через костры, эхой!» Когда приехала ревизия, назвался миссионером, стал читать попу свою Библию; на II кн. Царств поп сказал: «А ведь это ересь!» – но эскимосы Тетерникова отстояли. Друг его Петрушка, записывавший его учение, вдруг объявил, что Фрол – это Бог Отец, а Христос – он сам; Фрол распял его на льдине, это был девятый. Женившись на оленухе и на нерпе, объединил тундровых и приморских эскимосов; укрывал беглых политкаторжан, и они через год были неотличимы от местных. Когда на его девятом десятке случилась революция и пришли комиссары, то политкаторжане вышли навстречу с бубнами и дудками. Фрола как героя отвезли в Ленинград консультантом при Институте народов Севера, но Библию, как дурман, изъяли и сожгли, все цитаты из нее – по американскому изданию. Умер в 1930 г., дети его попытались явиться в Ленинград, но скоро были отправлены под конвоем обратно.

СТРУКТУРАЛИЗМ. Интервью с дизайнером А. Логвином: «Только ясность оправдывает провокацию, ясность на уровне структуры, а не на уровне вкуса. Как с женщиной: приводишь, она вроде вся офигительная. Ложишься в постель и понимаешь, что на самом деле она вся совершенно деструктурная. Чего-то много или мало. Что-то тебя обламывает, и понимаешь, что надо уходить из койки». – «Можно это оставить в тексте?» – «Конечно. У меня как раз очень структурная жена» («Итоги», 1996, № 26).

СТУЛ. «Нашествие французов и за ним последовавшее нашествие крестьян на ту же Москву с целью грабежа впервые вынесло в провинцию стулья вместо лавок» (Гиляров-Платонов).

СУДЬБА. «На Олимпе было решено, что греки и троянцы взаимоистребят, но не было решено, кто кого; поэтому боги разделились в поддержках» и т. д. А Троя потом продолжала существовать незримо, как град Китеж.

СУЗДАЛЬ. «Ударя с тыла в табор их / с дружиной суздальцев своих» – но суздальцы, как и нижегородцы, на Куликовом поле не были, а держали тылы. Москва пересилила Тверь денежной помощью Новгорода, который дружил через соседа.

СУРКОВ. Стенич говорил о Гумилеве: если бы был жив, перестроился бы и сейчас был бы видным деятелем ЛОКАФа (восп. Н. Чуковского).

СУФФИКС. «А. Н. Толстой очень любит слово *задница* и сетует о его запретности: прекрасные исконно русские слова – *горница, горлица, задница...*» (записи Л. Я. Гинзбург). По-японски эта часть тела называется «ваша северная сторона».

СЧАСТЬЕ. Филологический анекдот из сб. Азимова. Отплывает пароход, в последнюю минуту по трапу вносят старшего помощника, мертвецки пьяного. Проспавшись, он читает в судовом журнале: «К сожалению, старший помощник был пьян весь день». Бежит к капитану, просит не портить ему карьеру. «Поправки в журнале не допускаются, но сделаю, что могу». Назавтра читает: «К счастью, старший помощник был трезв весь день».

СЧАСТЬЕ. «Подумайте, нет ли у вас садомазохизма», – сказал психотерапевт. «Конечно, Поликратов комплекс: за счастье нужно платить.» – «А вы уверены, что вы счастливы?»

*Свеж металлический ветер осенью.
Росинки нефритовы и жемчужно круглы.
Светлый месяц чист и ясен.
Красная акация душиста и ароматна.
Надеемся, что вы процветаете в постоянном благополучии...*

Вы думаете, это стихи? Нет, это китайское деловое письмо.

ТАМ. «А у вас там под Москвой, говорят, война идет?..» – спрашивали архангельские мужики Н. Я. Брюсову в 1904 г.

ТЕЗАУРУС. В 4-язычном разговорнике Сольмана самые общие семантические категории – размеры, формы, вес, вид – оказываются подрубриками раздела «Одежда».

ТЕМПЕРАТУРА. «Каковы ваши жгучие несчастья?» – спрашивало доброе письмо из-за границы. А у меня нет жгучих, у меня холодные.

ТЕНЬ. «У Алданова слова не отбрасывают тени», – вежливо выражался Набоков.

ТЕНЬ. Д. Н. Бразуль, зав. худож. делом «Рабочей газеты», пил только пиво, но так, что пытался открывать дверь редакции, хватаясь за тень от ручки. Кожебаткин (уже в изд. МТП), грузный и беззубо улыбающийся орел-стервятник в пенсне, носил женские чулки, потому что в них теплее, а в портфеле имел любые книги, серебряный набалдашник без трости, подвязки и всегда бутылку вина. В. А. Попов, редактор «Вокруг света» и «Следопыта», вылечился от запоя новым способом – «электричеством через женщин», но как – не говорил (восп. Д. Дарана, РГАЛИ, 2436, 1, 42).

ТЕХНИКА. «Акмеизм обрек себя на поощрение бездарности, ибо всякая школа, желающая сделать поэзию трудной, делает ее легкодоступной» (Мирский).

ТОТ. «Если есть тот свет, то там только наслаждаются природой и искусством, а кто не натренирован к этому и больше любил выпить, покурить да в кино, тому скушно, вот и все наказание» (И. С. Ефимов). Похожим образом Эриугена истолковывал ад.

TOTENTANZ. Из Триция Апината, XVI в. (найден в цитате):

Если мертвый приходит к живым – он приходит с улыбкой,
Мертвый может быть добр – даже лучше живых.

«**ТРАГЕДИЯ** есть лишь недоудавшаяся комедия» – эпитафия у К. Келли к главе о Тэффи.

ТРАДИЦИЯ. «Искусство Г. Адамовича и Г. Иванова – аптекарское: смешивают в новых дозировках и комбинациях влияния старых поэтов» (восп. Н. Чуковского).

ТРАДИЦИЯ. М. Пруст серьезно называл себя последователем английской писательницы Дж. Элиот (упом. у Алданова).

«**ТРАДИЦИИ** не рвать, идей не водить, святынь не топтать» – из С. Кржижановского (там, где дальше про Словарь умолчаний).

ТРИНАДЦАТЬ: дурная слава этого числа – недавняя, от контрреформации XVII в., по месту Иуды среди апостолов (В. Марков).

ТЮТЧЕВ. «Для служилого дворянства Россия была государством, и пейзажи могли быть европейские; для отстраненного – поместьем, и природа в них – только собственного имени. Как непохоже на пейзажное западничество Тютчева и Пушкина цветущее евразийство поэта петровской индустриализации Ломоносова и поэта тропически-агрессивного екатерининского крепостничества Державина» (Д. Мирский).

ТЮФЯК. Мандельштамовское «страшен чиновник: лицо, как тюфяк» английский переводчик перевел «the face like a gun» и сделал примечание по-турецки и по-гречески.

УБИЙСТВО. «Нам с ней не котят крестить» – выражение Ремизова (Петерб. буерак). Из жалости топить котят в теплой воде – это не выдумка «Записей Ковякина», это было и в мемуарах (не у Шкловского ли?). Топившая хозяйка могла ответить на попреки: «А если б вас самих топили, вам все равно было бы, да?»

УГАДАЙКА. Литературные премии, эта игра в «угадайку» с будущим. Или благодарность живым за то, что им уже некуда меняться.

УЖЕ. В Енисейске хозяйка спрашивала: «Убил, что ли, кого?» – «Нет». – «Украл?» – «Нет». – «Так за что же это тебя?» – «Я поляк». – «Такой молодой, а уже поляк!» Так Федор Сологуб говорил дочке Кривича: «Такая маленькая, а уже внучка Анненского!» Анненского он не любил.

УПРУГИЙ ПРАВ находил Ермолов у адмирала Чичагова. Ср. «с верною супругой / Под бременем судьбы упругой» (эвфемизм вместо *упрямый*). «Упругая литературная карьера Набокова».

УПРУГОСТЬ. Показатель моральной упругости армии – при каком проценте потерь она ощущает свое поражение? У турок в Плевне – 20 %, у итальянцев при Кустоцце – 4 %.

УТЕШЕНИЕ:

Изменил и признаюсь,
Виноват перед тобой.
Но утешься, я влюблюся,
Изменю еще и той.

Стихи Магницкого-душителя из «Аонид» (цит. у Вяземского).

УШЛЫЙ. «Опусти пору учиться, что по ушлому гнать» (Даль).

УЧЕНИЕ. Мандраит сказал Фалесу: «Проси чего хочешь за то, что научил меня этому расчету». – «Прошу: когда будешь учить ему других, не приписывай его себе, а назови меня» (Апулей).

Сон. Дом престарелых актеров. Морицинистый старик представляет меня величавой паралитической старухе: «Он молодой, но все знает про наше время». От такой гиперболы я замираю, но старуха только спрашивает: «А он не еврей?..»

ФАМИЛИЯ. Полковник Чеботарев в «Игроках» в цензуре стал Чемодановым, а то фамилия не дворянская (С. Аксаков Гоголю, 6 февр. 1843 г.).

ФАМИЛИЯ. Приснилось, что меня зовут *Михаил Леонович Рава-Русская*.

«ФАНАТИК?» Я за всю жизнь не встречал ни одного фанатика – таково уж было невежество» (Алданов в очерке об убийце Троцкого).

ФЕМИНИЗМ в литературе мог бы быть полезнее всего, если бы взялся переписывать мировую литературу с женской точки зрения, в переводе на женский язык: «Подлинная Анна Каренина» и пр. В таком случае первым феминистом мог бы оказаться Овидий в «Героинях»: Троянская война с точки зрения Брисеиды. Что говорят феминистки об Овидии? приветствуют или разоблачают?

«Анна Каренина»? – может, уже была, – сказал А. Осповат. – Митчелл написала «Унесенных ветром» после того, как в 1932 г. вышел новый перевод «Карениной», и ее включили в ее колледжную программу. Я просил студентов поискать, не обыгрывается ли у нее поезд, – кажется, нет. В Америке читать лекцию о «Карениной» идешь как на убой: тут тебе не позволяют рассуждать о поэтике, а потребуют однозначно оценить ее поступок.

ФИЛОСОФИЯ. У НН талант исследовательский, а душевный склад творческий: не филолог помогает философу, а философ давит филолога.

ФЛОТ. В «Русском вестнике», 1902, № 2, с. 185, в исторической статье была фраза: «Главным врагом русского военного флота всегда было море».

ФОРМАЛИЗМ. «Типот подарил трехлетней дочери книжку о животных, она равнодушно перелистала львов и тигров, а о зебре спросила: это еще что за ерунда?» (записи Л. Гинзбург).

«ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ государства отвратительно, но не более, чем функционирование человеческого организма» (Е. Лундберг).

Школьный вечер в Принстоне, дети сочиняли истории и рассказывали родителям. «Жили и дружили девочка Дженни и мальчик Альфред. У Дженни на шее всегда был зеленый бантик; Альфред спрашивал, почему? а Дженни отвечала: «Не скажу». Они выросли, поженились, состарились, и Альфред все спрашивал, а Дженни отвечала: «Не скажу». А когда Дженни стало совсем плохо, она сказала Альфреду: «Вот теперь развяжи мне бантик, и ты кое-что поймешь». Он развязал, и у Дженни отвалилась голова». Идиллическая страшилка.

ХЕЛЕФЕИ И ФЕЛЕФЕИ. Я раскрыл Библию, открылась Вторая книга Царств, 20,7: «И вышли за ним люди Иоавовы, и хелефеи и фелефеи, и все храбрые пошли из Иерусалима преследовать Савея, сына Бихри». Я обрадовался и написал открытку В. П. Григорьеву: вот какой хлебниковский (или хармсовский) язык я нашел в Писании. Он ответил: «Хармсовский, но не хлебниковский, потому что звука *ф* в «звездном языке» не было».

ХОДИТЬ. «Розанов входил, семена и перебирая руками; Мережковский, как гроб; Гиппиус – на костях и пружинках; Вяч. Иванов, танцуя, а Горький, урча» (Ремизов. Петерб. бунрак).

ХОРЕЙ 5-стопный: «Выхожу один я на дорогу...» и т. п. Гумилев объяснял ученикам, что всегда, когда поэту нечего сказать, он пишет: «Я иду...» (восп. Н. Чуковского). Тогда считалось, что самоед, везя этнографа на нартах, поет: «Я еду...»

ХОРОШО. «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лук.6, 26). Ср. VII, ВСЕ.

ХОРОШО. Старик в деревне учил: «Ты делай хорошо, а плохо само получится».

ХОТЕТЬ. «Все можно сделать, если захотеть, только захотеть нельзя, если не хочется» (дневн. А. И. Ромма, РГАЛИ). Ср. ОТКАЗ.

ХРАБРОСТЬ. «За два года стали храбрее в смысле способности все перенести и трусливее в смысле нежелания что-либо переносить» (Ф. Степун. Из писем прапорщика).

ЦВЕТАЕВ И. В. был хорошим ученым, автором свода италийских диалектных надписей, но отказался от большого научного будущего ради просветительского дела. Дочь прославляла его, но этого – главного! – поступка его жизни она не заметила. Потому что амплуа в ее воспоминаниях были расписаны твердой рукой и вся жертвенность была отведена матери.

ЧАЙ. «Константин и Николай в 1825 г. подносили друг другу Россию, как чай, от которого из вежливости отказываются».

ЧАЙНИК. Когда начиналась мировая война и Германия уже объявила войну России, был момент сомнения: а вдруг Франция дрогнет и не вступится за Россию? Мольтке пришел в ужас, сказал, что план войны разработан на два фронта и менять его на ходу – смерти подобно; тогда в ноте Франции написали «а если и не будет воевать, то пусть для гарантии впустит в Туль и Верден немецкие гарнизоны», и война пошла своим чередом (Лиддл-Харт). Это напоминает анекдот о математике: «Как вскипятить чайник? – Налить воды, зажечь газ и поставить чайник на огонь. – А как вскипятить налитый чайник? – Вылить воду, погасить газ, и тогда задача сводится к предыдущей». Психологи говорят, что мы всю жизнь сводим новые задачи к предыдущим именно таким образом. Когда Фоменко начинает с «предположим, что мы не знаем того, что знаем» о древней истории, то мы тоже присутствуем при энергичном вылинии воды из исторического чайника.

ЧЕЛОВЕК. И. М. Брюсова сказала Д. Е. Максиму, выслушав об Андрее Белом: «Я его знаю, он может быть и человеком». В. П. Григорьев сказал: «Я как лингвист ручаюсь: написать такую книгу, как «Мастерство Гоголя», не имея словаря языка Гоголя, невозможно – а Белый написал. Могу только предположить, что когда он писал, он помнил собрание сочинений Гоголя наизусть от переплета до переплета». Я ответил: «А я как стиховед ручаюсь: написать за два месяца словарь рифм на – *ар*, не имея обратного словаря русского языка, невозможно – а Белый написал», и т. д.

ЧЕСТЬ. «Всем людям свойственно, потерпев крушение, вспоминать о требованиях долга и чести» (Плутарх, Антоний).

ЧЕСТЬ. «Из чести лишь одной я в доме сем служу», – говорит девка в «Опасном соседе». «Теперь бы сказали: на общественных началах», – догадалась А.

ЧИХНУТЬ. «Только славянофилы сидели в позе человека, который собрался чихнуть, да никак не чихнет» (Энгельгардт о 1868 годе).

*Имущий злато век робеет,
Бойтся ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще несчастнее того.
Во злате ищем мы спокойства;
Имея его, страдаем век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!*

Херасков

«**ЧТО ДЕЛАТЬ?**» была последняя книга, которую читал Маяковский перед самоубийством.

ШАГ ВПРАВО, ШАГ ВЛЕВО. Орвеллом трудно восхищаться не потому, что его антиутопия для нас привычный быт (так Вересаев, побывавший на войне, не мог восхищаться «Красным смехом»: «Андреев забыл, что есть такая вещь – привычка»), а еще и потому, что его и наш быт мало чем отличается от всевропейской казармы. Просто там дан приказ: «Шаг вправо, шаг влево – обязательны, за неисполнение – моральный расстрел», и все засуетились. Когда был отдан такой приказ? Наверное, при Руссо.

ШКОЛА. О школах, «где учат технике страдания», мечтал Ал. Вознесенский (РГАЛИ, 2247, 1, 22). «И, грозный вождь на многолюды, ты так направил все мечи, что палачей не судят судьбы, а судей судят палачи».

ШТУКА. «Что Россия – шестая часть света (в смысле: шестой континент), – сказал еще Краевский, а «Эта штука сильнее «Фауста» Гете» – Гоголь, по поводу пушкинской сцены из Фауста».

Сон сына: фейерверк в 75 залтов к юбилею Ленинской библиотеки и вислоусый пиротехник из Лихтенштейна, который говорил: «Ваша держава слишком велика, чтобы быть счастливой», а потом, напившись прохладительных напитков: «... слишком велика, чтобы быть великой».

ЭА и АИ «Будь счастлива» по-марсиански будет Evai divine («Вест. иностр. лит-ры», 1900, № 4, с. 283, о швейцарской галлюцинатке). У Гумилева это – из фантазий Руссо, будто первоначальные языки были пением гласных, и лишь потом в них вторглись артикулирующие согласные.

ЭКЗАМЕНЫ. Лисы-оборотни в Китае тоже сдают экзамены; за 500 лет успешной практики они получают вечное блаженство.

ЭКОЛОГИЯ. Когда осуждают хорошего писателя за то, что он нехороший человек, – это все равно что осуждать завод за то, что он дымит и лязгает.

ЭКОНОМИКА. Всякая дешевизна – перед дороготнею (Посл. XVII в., изд. Симони, 87).

ЭЛИТА. Стихи из радиопьесы А. Володина: «Между сытыми, мытыми / извиваюсь элитами, / свою линию гну: / не попасть ни в одну».

ЭПИГРАФИКА. С. Ав. рассказывал: в клозетах библиотеки Британского музея он впервые увидел надписи со ссылками на источники. Несмотря на обильные надписи, чтобы не делать надписей.

ЭТИКА. Эйхенбаум был не менее этически озабочен, чем Бахтин, но Бахтин решал свои этические проблемы на поступках литературных героев («это живые люди...»), а Эйхенбаум – на поступках их авторов.

ЭТИКА БОРЬБЫ. Муж поэтессы Марины Цветаевой, благороднейший человек, в эмиграции стал агентом советской разведки: получал деньги от НКВД, участвовал в политическом убийстве. Как он мог? Те, кто недоумевают, забывают, что он был офицер, он знал, что на войне обманывать и убивать своих неэтично, а врагов – этично: иначе не выживешь ни сам, ни твои «свои». А «своих» он выбирал по одному принципу – за слабых против сильных. В 1918-м он не разделял идей белой гвардии, но примкнул к ней, потому что она была слабее, чем красные; в 1930-м он не разделял идей коммунистов, но примкнул к ним, потому что Россия была слабее, а капиталистическое окружение сильнее (об этом тоже забывают).

ЭФИР. Из письма Н. Вс. Завадской: «Не упоминается ли у Локса Эсфирь Шуб? Он был в нее влюблен и говорил, что поведение у нее было трудное и приходилось иногда бить мокрым полотенцем. Наверное, была наркоманкой. Локс тоже склонялся, и мне тоже предлагал эфир: говорил, что будут очень интересные цветные видения. Но я дольше двух минут не выдержала, банку выбросила за окно, а ему сказала, что лучше сама выдумаю все цветные видения, чем нюхать такую гадость. И он перестал, даже с некоторым облегчением. Что он Станевич не любит – понятно: была страшна собой и умна и остра для компенсации. А Анисимов был бедный и вызывал жалость».

ЮБИЛЕЙ. Был опрос к 200-летию Пушкина, какие его стихи знают люди. На первом месте оказалось «Ты еще жива, моя старушка?», на втором – «Выхожу один я на дорогу», на третьем – «У лукоморья дуб зеленый». «Помните рассказ Толстого о саратовском мещанине, помешавшемся на том, что не мог понять, чем так знаменит и славен Пушкин?» (Адамович).

Что сказал бы об этом юбилее сам Пушкин? Сказал бы: «И ведь даже не извинятся».

Я. «Мое физическое «я» оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. Между тем, без него обойтись нельзя» (из письма О. Мандельштама Н. Тихонову, март 1937).

Я. «Что б я ни делал, всегда нахожу что-нибудь между истиной и мною: это нечто – сам я; истина сокрыта мне одним мною. Есть одно средство увидеть истину – удалить себя, почаще говорить себе, как Диоген Александру: отойди, не засти солнца» (Чаадаев).

Я. Восп. Н. Русанова начинаются: «У Паскаля сказано: Я – вещь ненавистная...»

ЯЗЫК. «Как хорошо было бы перевести Бодлера на церковнославянский язык, как бы он зазвучал!» – говорил Ю. Сидоров Локсу.

ЯЗЫК. Знание французского языка развивает самонадеянность, а греческого – скромность, – доказывали Николаю I члены ученого комитета, вырабатывавшего гимназическую программу; но Уваров понимал нереальность задачи, а Пушкин писал о ненужности, и греческий не ввели.

ЯЗЫК. Уваров послал Гете свою немецкую статью, тот написал: «Пользуйтесь незнанием грамматики: я сам 30 лет работаю над тем, как бы ее забыть» (опять из Алданова).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. После смерти Ланского Екатерина в свои 50 с лишним лет была в таком горе, что излечилась только попыткой составить сравнительный словарь всех языков по Кур де Жабелену, исписала гору бумаги без всякой научной пользы, однако исцелилась.

ЯТЬ. В. Виноградов: «Убирайся ты к матери на *ять* голубей гонять» – загадочный источник фразеологизма.

II

И ко всему, что будете вспоминать, мысленно прибавляйте: «а надо было б быть».

М. – Л. Б.

Моя мать

По-английски говорят: self-made man. Тургеневский Базаров переводил это: «самоломный человек». Моя мать была self-made man; сказать self-made woman было бы уже неточно.

Я не люблю называть себя интеллигентом, но иногда приходится говорить: «интеллигент во втором поколении». В первом была она. Ее мать, моя бабушка, была из крепких мещан заволжской Шуи; в церкви из их семьи поминали «рабов божиих Терентия, Лаврентия, Федора, Вассу, Харлампия...». Эту кондовую Шую она ненавидела всей душой. Чтобы выбраться оттуда, она вышла замуж за моего деда – шляпа-котелок, усы колечками, непутевый шолом-алейхемовский тип, побывал в Америке, работал гладильщиком в прачечной, не понравилось. До революции служил коммивояжером (дорожные открытки с видами самых захолустных российских городов кипами распирали старый альбом), после революции – аптекарем или провизором по таким же городам, вроде Решмы и Вичуги. Если первым предметом ненависти для бабушки была Шуя, то вторым был он. Когда в 70 лет он приехал передохнуть в Москву, бабушка сказала матери: «Покупай ему билет куда угодно, или я натолку стекла ему в кашу». «И натолкла бы», – говорила мать.

Бабушка не работала, от деда помощи было мало, мать начала зарабатывать в старших классах школы: брала править корректуры. В Москве было два университета, на всякий случай она подала заявления в оба, сдала экзамены и в оба прошла. В 1926 году для человека из нерабочей семьи это было почти невыносимо. Филологических факультетов не было, был «факультет общественных наук», там изучали все на свете, в том числе узбекский язык и артиллерию. Потом пошла мелким сотрудником в газету «Безбожник», орган Союза воинствующих безбожников под началом Емельяна Ярославского. Подшивки «Безбожника» я листал в детстве – о мракобесии и растленных нравах церковников, со свирепыми карикатурами. Душевных сомнений ни у кого не было: даже бабушка на моей памяти ни разу не вспоминала о церкви. Здесь, в «Безбожнике», мать встретила моего отца.

Семейная жизнь детей часто складывается по образцу родителей: бабушка прогнала своего мужа, мать – своего. Она была замужем за горным инженером Лео Гаспаровым из Нагорного Карабаха. «Карабах – это вверх по степи от Баку, а потом плоскогорье, как гриб, а на нем, как в осаде, одичалые армяне». Знакомый журналист отыскал даже остатки его деревни, напротив «страшного города Шуши». Гаспаров возил туда мать показывать родным: они не понимали по-русски, она по-армянски. Она сбежала через неделю. Всю жизнь они жили врозь; я не удивлялся, горный инженер – значит, в разъездах. Только в первую зиму войны мы жили у него в Забайкалье, и мать каждую неделю ходила по битой дороге за несколько верст на почту за письмами от моего отца.

После войны она работала редактором на радио и ненавидела его так, что радио дома всегда было выключено. Потом, много лет, редактором в Ленинской библиотеке. Нужно было зарабатывать на бабушку и меня. Днем на службе, вечером под зеленой лампой за пишущей машинкой; каждый вечер я засыпал под ее стук. Я видел ее только работающей. За мною присматривала бабушка. О бабушке я ничего не скажу: она умерла, когда мне было четырнадцать, но на месте памяти о ней у меня сразу осталось белое пятно. Лицо ее я помню не вживе, а

по фотографиям: на довоенной – круглое и деловитое, над чашкой чая, на послевоенной – изможденное, волосы клочьями и взгляд в пространство. Маленьким, над книжкой про летчиков, я спросил ее, что такое «хладнокровный». Она ответила: «Вот мать твоя хладнокровная, а я нет».

Мне до сих пор трудно понять, что такое эдиповский комплекс: отец и мать для меня слились в ее лице. Жизнь сделала ее решительной: она всегда знала, что нужно сделать, а обдумать можно будет потом. Она любила меня, но по принципу: «застегнись, мне холодно». Когда я познакомился с моей женой, я сказал о матери: «Если бы она захотела, чтобы я убил человека, я убил бы: помучился, но убил». Жена не поняла. Потом перевела на свой язык и сказала: «Да, если бы она сказала, чтобы ты на мне не женился, ты помучился бы, но не женился».

Я никогда не видел ее смеющейся.

Ей было тридцать семь, когда оказалось, что в нашей стране нет науки советской психологии. Учредили Институт психологии и объявили прием в аспирантуру без ограничения возраста. Она пришла и сказала: «Я никогда в жизни не занималась психологией, но я умею работать; попробуйте меня». Институтом заведовал С. Л. Рубинштейн, в молодости философ, учившийся в Марбурге с Пастернаком. Он понял ее, дал пробную работу и принял в аспирантуру. Диссертация была о борьбе физиолога Сеченова в 1860-х гг. за материалистическую психологию. Она вышла книгой, стиль правил мой отец. Потом мать перешла на работу в институт, защитила докторскую, выпустила еще две книги по истории русской психологии. В них все было по-марксистски прямо, материализм против идеализма, идеализм чуть-чуть что не назывался поповщиной и мракобесием. «Иначе уже не могу», – говорила она. Но Рубинштейна она любила безоговорочно всю жизнь. После смерти отца смерть Рубинштейна была для нее самым тяжелым ударом.

Наступала усталость: сын, который молчал, невестка, которую приходилось терпеть, внучка, а потом и правнучка, на которых приходилось кричать. Я уже не боялся ее, я жалел ее, но так же молча и бездейственно. Когда я с удивлением стал членом-корреспондентом, мне сказали: «Если бы вы знали, какая это радость для вашей матери». Она тяжела и слабела. Стала изредка говорить о прошлом (но никогда – об отце): чаще о дедовом семействе, чем о бабушкином. («Жили в городе Бердичеве два брата Ниренберги, оба лавочники, Исай богатый, а Абрам бедный...» – сродни Исаевичам были художник Нюренберг и писатель Шаров, из Абрамовичей вышел только мой дед.) Больше всего врезалось в память, как в десять лет в южном городке Ейске, где было посытнее, но нечего читать, она нарочно читала, держа книгу вверх ногами, чтобы на подольше хватило: это был «Фрегат “Паллада”» Гончарова. Потом я узнал, что при Христе так умели читать тору, потому что учились, сидя на полу со всех сторон.

У нее был рак горла, но оперироваться она не хотела. Сперва вспухла шея, потом пропал голос, остался только свистящий шепот, потом стало невозможно дышать. В больнице она металась тяжелым телом по постели, раскрывая красный рот и умоляя об обезболивающем. Когда она умерла, тело ее, как полагалось, выставили в морге, чтобы собравшиеся сослуживцы и родственники сказали добрые слова. Служитель в белом халате спросил: «Партийная?» Я ответил: «Нет». Тогда он, не спрашивая, накрыл ее не красным, а белым покрывалом с вышитыми черными крестами и молитвенной вязью по краям. В газете «Безбожник» это называлось мракобесием, но уже начинались годы, когда на это перестали обращать внимание.

Мой отец

На моей памяти он работал редактором в издательстве Академии наук. Когда он умер, византинисты из Института истории выпустили свою очередную книгу – перевод византийской хроники – с посвящением ему на отдельном листе: светлой памяти такого-то. Он не был византинистом, просто он был очень хорошим редактором.

О том, что он мой отец, мать сказала мне, только узнав о его смерти, – высохшим голосом и глядя в пространство. Я ответил: «Да, хорошо».

В сочинениях Пушкина печатается портрет Дельвига: мягкое лицо, гладкие волосы, спокойный взгляд из-под маленьких очков. Однажды я сказал бабушке: «как он похож на Д. Е.». Она ответила: «Что ты вздор несешь, это на тебя он похож». Наверное, чтобы задуматься, чей я сын, было достаточно и этого. Или прислушаться к женщинам во дворе («К вам отец приходил, никого не застал и ушел»). Но я не то чтобы ни о чем не догадывался, а просто запретил себе об этом думать, если мать, по-видимому, не хочет, чтобы я думал.

Он был не «наш знакомый», а «ее знакомый». Приходил несколько раз в неделю, медленный и мягкий, здоровался с бабушкой и со мной, закрывалась дверь в комнату матери, и за дверью было тихо. Иногда подолгу звучал рояль, это играл он. Возле рояля лежали ноты: сонаты Бетховена, романсы Рахманинова, советские песни («Вышел в степь Донецкую...» и др.). Мать потом сказала, что в этом подборе все имело свой, понятный им смысл.

Я рос с ощущением, что отца у меня нет. Таких семей было много вокруг: те разошлись, а те погибли. У меня было твердое представление, что отец в семье – нечто избыточное, вроде опорного согласного при рифме. Для самоутверждения я привык думать, что наследственность – вещь если не выдуманная, то сильно преувеличенная. Генетика в то памятное время была лженаукой. Только теперь, оглядываясь, я вижу в себе по крайней мере три вещи, которые мог от него унаследовать. Три и еще одну.

Первое – это редакторские способности. Я видел правленные им рукописи моей матери. Это была ювелирная работа: почти ничего не вписывалось и не зачеркивалось, а только заменялось и перестраивалось, и тяжелая связь мыслей вдруг становилась легкой и ясной. Когда я редактировал переводы моего старого шефа Ф. А. Петровского из Цицерона и Овидия, превращать их из черновиков в беловики приходилось мне. Кажется, моя правка имела такой же вид. Однажды в разговоре с одним философом я сказал: «Я хотел бы, чтобы на моей могиле написали: он был хорошим редактором». Собеседник очень не любил меня, но тут он посмотрел на меня ошалело и почти с сочувствием – как на сумасшедшего.

Второе – это вкус к стилизаторству. Еще до войны, служа в «Безбожнике», отец сочинял роман XVIII в. «Похождения кавалера де Монроза, сочинение маркиза Г**, с французского переведены студентом О. Е., часть осьмая, Санкт-Петербург, 1787». Это была действительно часть осьмая, без начала и конца, поэтому появления лиц («Одноглазой», дюк Бургонской...), свидания, поединки, похищения, погони были сугубо загадочны. Язык был изумительный, каждая машинописная строчка была унизана поправками от руки, на оборотах выписывались слова и сочетания для дальнейшего использования: «Ласкосердой читатель!...» В шкафу у нас долго лежали грудой отработанные им книжки: «Омаровы наставления», «Князь тьмы», «Золотая цепь» – до войны они были недороги. «Письмовник» Курганова я читал и помнил страницами, как Иван Петрович Белкин. Я вспоминал об этом, став переводчиком.

Другой его стилизацией был роман «Сокровище тамплиеров, в трех частях с эпилогом, сочинение сэра А. Конан-Дойля, 1913» – с Шерлоком Холмсом, индийской бабочкой «мертвая голова», убийством на Риджент-стрит, чучелом русского медведя, лондонским денди, шагреновым переплетом и иззубренным кинжалом. Его он сочинял в эвакуации и посылал по несколько страниц в письмах к моей матери («песни в письмах, чтобы не скучала»). Военная цензура удивлялась, но пропускала.

Третье, что я от него унаследовал, – это вкус ко второму сорту, уважение к малым и забытым, на фоне которых выделяются знаменитые. Не только к советским песням рядом с Бетховеном: моя мать была воспитана на Бахе и Моцарте, а он, познакомившись с ней, осторожно учил ее любить и Чайковского и Верди, на которых тоже полагалось смотреть свысока. Это не было эстетской причудой, это был разночинский демократизм: все в культуре делают общее дело. Я много занимался второстепенными поэтами: мне хотелось, чтобы первостепен-

ные не отбивали у них нашей благодарности. Когда сейчас не любят Брюсова или Маяковского (или Карла Маркса), мне тоже хочется, любя или не любя, за них заступиться – просто как за обижаемых.

Я не знаю, почему они с моей матерью не были женаты, не знаю, кто были жена и сын моего отца. Когда нам с А. сказали, что он умер (ночью был сердечный приступ, вызывали «скорую», запретили вставать, а утром он все-таки встал, чтобы поехать за город к двум Еленам – было 3 июня, и умер), мать вместе с названной в честь нее трехлетней внучкой была на даче. Прежде чем сообщить ей, нужно было проверить, не ошибка ли это. Мы метались в издательство, в справочное бюро, по полученному домашнему адресу, – дверь на темную лестничную площадку приоткрылась, в щели мелькнул молодой человек и сказал нам: «Да». Он был моих лет.

Самые, наверное, точные слова о нем написала мне много лет спустя старая женщина Н. Вс. Завадская, приятельница молодого Пастернака, знавшая моих отца и мать еще по «Безбожнику» («Когда он сказал мне: “У Елены Александровны родился сын”, у него было такое лицо, какого я никогда не видела...»). Она написала: «В нем была доброжелательность к людям без внимания к их жизни». Доброжелательность без доброты – таким помню его и я. Таким, к сожалению, чувствую и себя.

Н. Вс. пишет об отце: любил Гейне, читал Бёрне, берег «Красное и черное», но больше всего им владел один роман Золя – о машинисте на поезде, который потерял управление и мчится неизвестно куда. Этот паровоз из «Человека-зверя» помнят все читавшие. О том, что его спокойствие, медлительность, мягкость были не от природы, а от самоукрощения, я, конечно, не знал; думаю, что знали немногие.

Откуда он родом, мать не знала сама. Отец его служил в провинциальном банке и ездил по Южной России. Украинский язык он знал хорошо; мать говорила, что в нем была то ли сербская, то ли болгарская кровь; еврейскую отрицала, но я не очень этому верю. В Москву он приехал в двадцать лет из города Ромны. Высшего образования у него никогда не было (и он всегда чувствовал эту ущербность): всему, что знал, он научился сам. Мне предлагали навести справки о его однофамильцах, но мне он понятнее таким: без роду, без племени. Когда он умер, ему было 53 года. Я сейчас старше.

Мое детство

«Ваше первое воспоминание?» – спросили меня. Я ответил: «Лето, дача, терраса, ступеньки вверх на террасу. Серые, потрескавшиеся, залитые солнцем. На верхней ступеньке стоит женщина, я вижу только ее босые толстые ступни. А перед террасой слева направо опрометью бежит рябая курица». (При желании, наверное, из этого можно сразу вычитать многое. Например, страх перед женщиной: я боюсь поднять глаза на ее лицо. А из этого вывести многое другое в моей жизни. Не знаю только, что бы здесь означала курица.)

Перед террасой была хозяйская клумба. Однажды я сорвал на ней цветок. Этого делать было нельзя. Мать спросила меня: «Какая у тебя любимая игрушка?» Я показал на лошадь-качалку. Она подошла и оторвала ей хвост.

Говорят, когда меня оставляли одного в комнате, то, чтобы я ничего не повредил, меня привязывали на длинную ниточку к ножке стула. Я этого не помню: вероятно, это было слишком неприятно. Моя взрослая дочь, детский психолог, узнавши об этом, всплеснула руками и воскликнула: «И они еще думали, что у них вырастет нормальный ребенок!» Мне кажется, я с тех пор всю жизнь чувствовал себя несвободным – не на цепи, а вот на такой длинной ниточке.

Мне в первый раз дали в руки ножницы: вырезать бумажные фигурки. Это было интересно. Захотелось попробовать, можно ли так же резать и материю. Я разрезал край скатерти, и сразу стало страшно. Когда это увидела мать, она отобрала у меня ножницы, оттянула пальцами

джерсер у меня на груди и одним взмахом вырезала в нем дыру размером с пятак: «Вот теперь всю жизнь будешь так ходить!» Самое ужасное было, что всю жизнь. Я помню этот джерсер как сейчас: со спины голубой, спереди полосатый, чернй с желтым, как брюшко насекомого. Он был крепкий, его потом зашили и носили еще лет десять. Мне казалось, я грудью чувствую то место, где была дыра.

Когда я делал что-нибудь не так, мне говорили: «Что о тебе люди подумают!» и «На тебя смотреть противно!». Первого я не понимал: не все ли равно, что подумают чужие люди, если так плохо думают свои – те, которые могут сделать со мной что хотят? А что на меня смотреть противно, я запомнил на всю жизнь. Я сказал, что любимой игрушкой моей была лошадь-качалка, кажется, черная. Но я ее почти не помню, не помню и других игрушек. Помню только кубики с буквами. Не те, большие, где при **А** был нарисован арбуз, а при **Б** – барабан, а другие, маленькие, серые с черными буквами, где ничто не отвлекало внимания. Было интересно, что **А-М** – это одно, а **М-А** – это совсем другое. Бабушка вспоминала, как я позвал ее: «Посмотри, что получилось!» Выложилось слово «Хвалынск». Это из советской сказки: жил в городе Хвалынске старик и послал он трех своих сыновей узнать, что на свете самое прекрасное. Один стал танкистом, другой летчиком, третий моряком, и все трое сказали, что самое прекрасное на свете – наша Советская страна.

Я играю с кубиками в углу, косой пыльный свет падает из окна, бабушка у стола что-то произносит, я переспрашиваю: «Кто это – Пушкин?» – «Как, ты не знаешь, кто такой Пушкин!» Через несколько месяцев я говорил Пушкина часами наизусть: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...» Недавно прошел тридцать седьмой год, год больших расправ и пушкинского юбилея. О расправах я не знал, а от юбилея остались книжки с картинками, конфетные коробочки в виде томиков с бакенбардами на обложке, лото «Сказки Пушкина». Будь я старше, это могло бы погубить для меня любую поэзию, но мне было четыре года.

Мы жили в двух комнатах коммунальной квартиры, в коридор меня не выпускали, соседей я даже не знал в лицо. Я рос при бабушке. Чтобы ей было легче, меня отдали в детскую группу: утром отвести, вечером привести, днем десяток детей из средних семей играет и занимается под присмотром пожилой степенной женщины с румянными щеками. Я в первый раз оказался среди детей – я забился в угол, под рояль, и ревел целый день. Больше меня туда не отводили.

Во второй детской группе, куда я попал, было легче. Это там, за игрой в песок, я вдруг понял, что все, что мы делаем, может быть уложено в слова и фразы, закругленные, как в книге. Опираясь животом на перила, я говорил: «Опираясь животом на перила, он говорил: “Несомненно, людоед не смог бы ворваться в замок...”».

Солнце бьет сквозь деревья, мы играем во дворе, один мальчик принес модель аэроплана, сколоченную из дощечек вкривь и вкось, она не летает, я с азартом ее ругаю. Меня окликают, я бегу к скамейке, где сидят взрослые, мне говорят: «А ты не критикуй, а посоветуй, как лучше». Я мчусь обратно и с ходу кричу: «А лучше попробовать поставить крыло вот так...» Слышу за спиной смех и удивляюсь старшим: сами велели и сами смеются?.. Но запомнил. Потом началась война.

Война и эвакуация

В витрине соседнего магазина среди волн лиловых тканей стояли две большие японские вазы с изогнутыми красавицами. Бабушка, остановившись, сказала: «Война с Японией – это еще ничего, а вот с Германией!...». Ночью я проснулся с криком, сбежались взрослые, желтый свет. «Боюсь войны с Германией!» Меня успокаивали: войны не будет, а если и будет, то наша армия сильная и т. д.

Война началась через несколько месяцев. Небо было серое, мы шли с матерью по дачной тропе через кустистый луг, навстречу бежала молодая незнакомая женщина, голова закинута, волосы по ветру: «Вы еще не знаете? Война! Молотов выступал по радио!» И мы заспешили домой.

Стали шуршать газеты. Была фотография первого немецкого перебежчика и бодрый разговор с ним. «Мама, кто такой Гитлер?» В Москву меня перевезли за два дня до отъезда; улицы глядели ослепшими окнами в косых бумажных крестах, чтоб не сыпались стекла. «Если будет воздушная тревога, не пугайся и не плачь, спокойно пойдем в бомбоубежище». Но в эти два дня тревоги не было. День отъезда был 6 июля, на отрывном детском календаре – шуточная картинка с мальчиком в панамке, заблудившимся в лесу: «Мама, где я?» Бескрайний асфальт предвокзальной паперти, тесные кучки ждущих на чемоданах и узлах. Это здесь мне показалось, что подменили мать: будто она отошла на десять минут, а вернулась чужая женщина, похожая на нее. Такой она и осталась для меня на всю жизнь.

Первый переезд – провал в памяти. Только конец его: высадка, ночь, тьма, путаница станционных рельсов под ногами, непроясненный сон в голове; потом серое утро в чужой квартире и, с высоты откоса, серая Волга до горизонта – город Горький.

Зной, пыльная, медленная дорога, мы в телеге, лошадиный хвост качается как маятник, а по сторонам – пустые поля.

Вокзальные залы, бескрайние, низкие, с тусклым, душным воздухом, плотно усиженные тесными семьями на кучках узлов или в оградах чемоданов. «Не ходи туда, тот мальчик очень грязный!» Оттого что нельзя было перейти через зал, он казался еще больше.

Поезда, медленные и тряские, где трудно повернуться среди сидящих и лежащих, а по проходу пробирается молодой хрипящий и трясущийся нищий, из розового обрубка руки торчит белая кость. («Только бы не теплушка!» – говорила бабушка.) Бесконечно-гулкий мост над серой ширью за окном, это Обь. По вагону ходит мятая газетная вырезка, два мелких столбца стихов с картинкой сверху, и пожилой сосед серьезно передает ее шестилетнему мне. Это «Жди меня», и запоминаются непонятные «желтые дожди».

Забайкалье: складки холмов, щетинящихся хвоями, окаменелые глиняные колеи и колдобины на дороге, бревенчатые избы по сторонам, в одной живем мы. Это называется Шах-тама́, ударение на последнем слоге. Мерзлые стекла, в раскрытую дверь входит пар, а потом человек в ватнике. «Товарищ...» – обращается к нему заискивающе мать. «Я гражданин, а не товарищ», – поправляет он.

Конторская комната набита народом, светло от заоконного снега и лилово от махорочного дыма. Мать наклоняется ко мне: «По радио будет Сталин, сейчас ты услышишь его голос» – и голос сквозь треск, спокойный и со странным выговором. Это ноябрь 1941-го. Через месяц, ночью (я уже в постели) из-за беленой перегородки доносится едва слышимое радио: «Освобожден Можайск», – и я облегченно вздыхаю в подушку: о Можайске взрослые тревожно говорили каждый день.

Опять поезд и холмистые скаты за окном, бурые лбы скал под вздыбленными елками и соснами – Урал; и я у окна ловлю в них декорации сцен бесконечной сказки, которую я сочиняю, засыпая.

Тесная комната, дотемна разгороженная шкафами, – это Свердловск; белый квадратный фасад ввысь – это под Свердловском Асбест; до неба – горы мелких сухих камней, пересыпающихся под ногами, по ним лезешь-лезешь вверх, а все ни с места, – это отвалы шахт, это под Асбестом поселок Изумруды. (Правда изумруды: соседкина дочь показывает мне камешек с блестящей зеленой крупинкой, найденный там, в отвале.) Сперва низкий барак, почти пустая комната, кровать поперек, бурьян за окном; потом – единственное в поселке двухэтажное здание, внизу контора (там машинисткой работает моя мать), перед домом на солнце чертежные доски с листами, где калька превращается в синьку. В жилой комнате бочка с черной

водой, воду носят ведрами. Отломи на стене кусок штукатурки – под ним казарменно-ровными рядами коричневые спины ждущих своей ночи клопов.

За углом двухэтажки – желтая глиняная яма среди мокрой густо-зеленой травы. Стоя у стены, я разминаю тугой комок глины и вдруг впервые понимаю, что этот комок – одно, а цвет его – другое, а тугое ощущение в пальцах – третье. Этот момент понимания запомнился тревогой на всю жизнь. Глина была желтая и резалась перочинным ножом.

Самое частое слово в разговорах – Сталинград. «Так немцы взяли Сталинград?» – «Нет, они воюют и воюют в городе». Когда началось победное наступление, учредили новые мундиры с погонами, фотографии их были напечатаны на непривычных к тому газетных листах. (А в учебнике русского языка еще писалось: «суффикс – *ье*: вороньё, офицерье».) Это было уже зимой, и слепящий снег был так тверд, что из него можно было не лепить, а высекать.

Я был тихий, местные в насмешку спрашивали в Забайкалье: «Ты девчонка или парнишка?», на Урале: «Ты девка или парень?» Соседка по бараку, тяжелая и твердая, сказала матери: «Он у вас все фразы до конца договаривает».

Школа

До войны в школу шли с восьми лет, в войну стали идти с семи. Мы возвращались из эвакуации в Москву, в первом классе я не учился, а пошел в Москве сразу во второй: непривычный среди привычных.

Школа обдала шквалом многоголовья, многоголосья, людоеворота по трем этажам – в вихрях пыли, исполосованной рыжим солнцем сквозь тусклые стекла. Было тесно и бедно. Потертые куртки, заплатаанные локти, осунувшиеся лица, хваткие глаза: все разные, и все на одно лицо. Все движенья быстрые, все слова непонятные, все порядки неизвестные. Все мои ответы не попадал, а за это бьют. Бьют по правилам, и этих правил они всегда знают больше, чем я. Штукатурка сыплется с отсыревших стен на мусорный пол, и когда падаешь, то видишь, какой он грязный и затоптанный.

Между переменами были уроки. Сидели по трое на двухместных партах, крашенных черным по изрезанному дереву; в дырке – одна на троих жестяная чернильница с лиловой водичкой. Впереди – серая от старости, исцарапанная доска, на которой почти не виден бледный мел. Накануне на фронте взяли четыре города, их названия нужно было записать в тетрадку. Я пишу: Ельня, Глухов, Севск, Рыльск – так радиоголос перечислял их в приказе. На меня посмотрели странно: на доске они были названы в другом порядке. Оказалось, что я близорук: все видят доску, а я не вижу. Через месяц я стал носить очки: «Очкарик! четырехглазый!» На перемену нужно было их снимать: собьют.

Потом хаос теснящихся лиц стал рассыпаться на роли: мрачный силач, вертлявый крикун, забияка, блатной, увалень, шут. Когда через год перевелся в другую школу, я увидел вокруг те же маски, и между ними было уже легче найти себе место.

Я бреду из школы по слякотному переулку, меня нагоняют ражие и зычные старшеклассники. Один уже заносит руку меня ударить. Другой говорит: «Не тронь, я его знаю, он хороший парень: вот я ему скажу, и он у меня наземь сядет, – а ну сядь!» Я подсовываю под себя в грязь облупленный портфель и сажусь на него, думая только об одном: как бы он не сказал: «Чего жульничаешь? не на портфель, а на тротуар!» – а на тротуаре липкая, черная грязь. Но нет, сегодня он не злой, и парни, хохоча, проходят мимо.

Уроки, тесные и душные, были передышками между драчливой толчеей перемен; болезни – передышками между обреченностями на школу. Ветрянка, краснуха, свинка: не поворачивать шею, не почесаться под повязками. Тетка на работе, троюродный брат до поры в школе; придет злой, начнет командовать, будет плохо. Но пока можно долго лежать под комковатым одеялом и читать Жюль Верна в старой книжке с узким газетным шрифтом и с

ятиями. Тихо. Краем глаза я вижу под столом черный комочек с хвостиком; не успел я подумать «мышь», он уже мелькнул и исчез.

Наше разоренное жилье в Замоскворечье привели в порядок: в окнах уже не фанера, и в щелях не свистит ветер. В третий класс я иду уже в другую школу. Здесь спокойнее, и я уже привык. Но все так же тесно, занятия идут в две смены, и когда мы во второй, то на уроках сумерки, а на лицах усталость. В голове пусто, слова учительницы шелестят мимо слуха, взгляд бродит по карте мира на стене, где среди лиловой и серой Африки одиноко надписан город Мурзук. Возвращаюсь домой по переулкам, от фонаря к фонарю, и вдруг понимаю: вот сейчас я вспоминаю Жюль Верна, а на прошлом углу я думал о чем-то другом, уже не помню о чем, но мысль не прерывалась; наверное, если ее всю, от утра до вечера, вытянуть и записать, то это и буду настоящий я, а остальное неважно.

Тяжелей всего было в пятом классе. Начинается созревание, в ребятах бродят темные гормоны, у всех чешутся кулаки подраться. Я ухожу в болезнь: у меня что-то вроде суставного ревматизма, колени и локти как будто скрипят без смазки. Врачи говорят: это от быстрого роста. Больно, но не очень; однако я притворяюсь, что не могу ходить, и восемь месяцев лежу на спине, не шевеля ногами. Изредка из школы приходят учителя, и я отвечаю им про Карла Великого, водоросль вольвокс и лермонтовские «Три пальмы». Видимо, я хорошо выбрал время: когда кончился этот год и я пошел в седьмой класс, то меня уже не били. Возрастной перевал остался позади.

Моего школьного товарища звали Володя Смирнов; он утонул на Рижском взморье, когда нам было по двадцать лет. Он был сыном Веры Васильевны Смирновой, критика, и Ивана Игнатьевича Халтурина, детского писателя (того, который сделал книгу В. К. Арсеньева «Дерсу Узала»). Я сказал: «Нас не очень сильно били: нас было неинтересно бить», Ив. Игн. откликнулся: «Ты всю жизнь себе так построил, чтобы тебя было неинтересно бить». Наверное, правда.

Потом, на четвертом курсе университета, у нас была педагогическая практика: по два урока русского языка и словесности в средней школе. Это было несерьезно: постоянная учительница сидела на задней парте, под ее взглядом ребята смирно и нехотя слушали неумелых практикантов. Но мне не повезло: нам с напарницей достался как раз пятый класс, в котором как раз заболела учительница, и мы должны были целый месяц управляться одни. Это было адом: я словно опять тонул в кипящем буйстве гормонального возраста. Потом по ночам мне долго снились кричащие головы на грядках парт.

Это были дети 1945 года рождения; потом мне было забавно думать, что самые близкие мои товарищи по науке – тоже 45-го года рождения и могли быть среди них.

А вообще школа была хорошая.

Я сказал Нине Брагинской: от меня требуют воспоминаний, а они мне мучительно не даются. Она ответила: «И понятно: как ученый, вы стараетесь быть прозрачным стеклом, чтобы видно было не вас, а только ваш предмет; а мемуарист, о чем бы ни писал, всегда в конечном счете пишет о себе». Я сказал: я не помню и не люблю моего детства, а в воспоминаниях возвращаюсь именно к нему. Она ответила: «И это понятно: воспоминания о детстве никто не может проверить, а в воспоминаниях о зрелом возрасте всегда приходится оглядываться, что об этом написали или напишут другие. Посмотрите мемуары НН: интересный человек, необычная жизнь, но так скован образом русского интеллигента, что в толстой книге нечего читать». Я вспомнил, как Веру Васильевну Смирнову уговаривали написать воспоминания о Пастернаке, а она весело отговаривалась: «Сперва покажите мне воспоминания Зинаиды Николаевны». Она тоже жила в Ирпени летом 1930-го, и З. Н., стоя у плиты, радостно рассказывала ей, как Б. Л. только что в лесу стал перед нею на колени в хвою и объяснился в любви, и шутила, не передать ли ей Генриха Густавовича (Нейгауза, ее

первого мужа) Вере Васильевне, как котенка в хорошие руки? Но у Веры Вас. была своя трудная жизнь, и было не до того. Воспоминаний Зинаиды Николаевны ей не показали, и поэтому своих она не написала.

Здесь мне нужно написать о моем товарище, который утонул. Мы с женой, ничего не зная, приехали в Дубулты, стали искать Веру Васильевну, нам сказали: «А-а, это у которой несчастье!» – не «с которой», а «у которой», и все стало ясно. Но я не могу этого сделать: об очень хороших людях писать слишком трудно. Пусть вместо этого здесь будет перевод чужих стихов. Мы с ним любили английские стихи и греческие мифы.

Джон Мильтон. Ликид

В этой монодии сочинитель оплакивает ученого друга, несчастным образом утонувшего в плавании из Честера чрез Ирландское море в год 1637-й. По сему случаю предсказывается конечное крушение развращенного клира, бывшего тогда в силе.

Вновь, о лавры,
Вновь, о темные мирты
И ты, неопалимый плющ,
Я срываю плоды ваши, терпкие и горькие,
И негнущимися пальцами

5
До срока отрясаю вашу листву.
Едкая нужда,
Драгоценная мне скорбь
Не в пору гонит меня смять ваш расцвет:
Умер Ликид,
До полудня своего умер юный Ликид,
Умер, не оставив подобных себе,

10
И как мне о нем не петь?
Он сам был певец, он высокий строил стих,
Он не смеет уплыть на водном ложе своем,
Не оплаканный певучею слезою.

15
Начните же, сестры,
Чей источник звенит от Юпитерова трона,
Начните, скользните по гулким струнам!
Мнимо-уклончиво, женски-отговорчиво —
Так да осенит удавшимся словом
Нежная Муза

20
Урну, назначенную и мне!
Пусть оглянется он в своем пути

И овеет миром черный мой покров,
Ибо вскормлены мы с ним на одном холме,
И одно у нас было стадо, и ручей, и сень, и ключ.

25

С ним вдвоем, когда вышние пажити
Открывались разомкнутым векам солнца,
Шли мы в поля и слышали вдвоем
Знойный рог кружащего шмеля
И свежую росой нагуливали стада

30

Подчас до поры, когда вечернюю звезду
Вносил поворот убегающих небес,
А в сверленном стволе
Не молкли луговые напевы,
И сатир шел в пляс, и двухкопытный фавн

35

На ликующий тянулся звук,
И старик Дамет любил наши песни.
Но все уже не так. Тебя нет, тебя нет,
И больше не будет никогда.
О тебе пастухи, о тебе леса, о тебе

40

Опустелые пещеры, заросшие тимьяном и лозой,
Плачут глухими отголосками.
Ива и зеленый орешник
Больше твоим
Не повеют нежным песням радостными листьями.

45

Как розе тля,
Как ягненку на пастбище язвящий клещ,
Как мороз цветам в наряде их красы
Той порой, когда белеет боярышник,—
Такова, Ликид,
Пришлась пастухам твоя утрата.

50

Где вы были, нимфы, когда невнемлющая глубь
Обомкнула любимого Ликида?
Не играли вы на той крутизне,
Где покоятся бывшие барды и друиды,
Ни на вздыбленных высях Моны,

55

Ни у Дэвы, плещущей вещей волной,—

Но к чему мечта?
Разве были бы вы сильны помочь ему?
Нет, – как Муза, как Орфеева мать,
Не сильна была чародеющему сыну

60

В час вселенского плача природы,
Когда с черным ревом неистовый сонм
Бросил вплавь окровавленный его лик
Вниз по Гебру и к Лесбийскому берегу.
Зачем он неутомимо

65

Правил пастушью свою недолю,
Острый ум устремляя к нещедрым Музам,
А не так, как все,
Под сенью резвился с Амариллидою
Или с прядями кудрявой Неэры?

70

Слава,
Последняя слабость возвышенного ума,
Шпорит ввысь благородный дух
От услад к трудам,
Но когда уже светлая награда впереди
Ждет взорваться стремительным сиянием,—

75

Слепая Фурия постылым резакom
Рассекает тонкую пряжу жизни.
Но нет —
(Это Феб звучит в трепетном слухе моем) —
Слава – цветок не для смертных почв:

80

Не в мишуре идет она в мир, не в молве она стелется вширь,
А живет в выси
В знаке ясных очей всерассудного Юпитера,
И каков его последний обо всем приговор,
Такова и слава ждет тебя в небесной мзде.

85

Верь, чтимая Аретуза
И тихий Минций в венце певчих тростников:
Это высочайшая прозвенела мне струна!
Но дальше, моя свирель!

90

Вот морской трубач предстал во имя Нептуново

Вопросить волны, спросить преступные ветры:
Что за невзгода
Нежному была гибелью пастуху?
И каждый из крутокрылых,
Дующих с каждого острия суши,

95

Ответил ему: «Не знаем!»
Мудрый Гиппотад
Принес их ответ, что ни единый порыв
Не вырвался из его узилища,
Что тих был воздух
И скользящая Панопея
С сестрами играла на кромке песка.

100

Это челн,
Роковой и вероломный,
В час затмения сколоченный, черными проклятиями снащенный,
В бездну погрузил священное твое чело.
Следом медленной стопой притекает чтимый Кэм,
Плащ его космат, из осоки его колпак,

105

Смутные образы на нем, а по краям
Выписана скорбь, как на том кровавом цветке;
«Кто отнял, – воззывает он, – лучшую надежду мою?»
И последним шел и пришел
Галилейский кормчий,

110

Ключарь о двух мощных ключах
(Отворяет золотой, замыкает железный);
Он сотряс свои увенчанные кудри,
Он сказал:
«Рад бы я сберечь тебе юного,

115

Видя тех, кто чрева ради вкрадывается в стадо,
Кто рвется к пиру стригущих,
Оттирая званных и достойных,
Чьи губы слепы,

120

Кто не знает ни держать пастуший посох,
Ни иного, что довлеет верному пастырю!
Что нужды им и до чего нужда им?
Песни их, скудные и нарядные,
Чуть скребутся сквозь кривые их свирели,

125

Овцы их, голодные, смотрят в небо,
Пухнут от ветра и гнилого тумана,
И зараза, выедаю их, расходится вширь,
А черный волк о скрытых когтях
Походя пожирает их день за днем,
130 И двурукое оружие у двери
Готово разить, но никого не разит!»
Воротись, Алфей,
Грозный глас, претивший тебе, умолк.
Воротись, Сицилийская Муза:
Воззови к долинам, и пусть они принесут

135

Цветы в стоцветных венчиках лепестков.
Вы, низины, нежным полные шепотом
Листьев, непутевых ветров, льющихся ручьев,
Свежих, редко зримых смуглой звезде,—
Бросьте сюда
Ваши очи, яркие, как финифть,

140

Из зеленой травы пьющие медовый дождь,
Вешним цветом обагряющие землю:
Торопливый первоцвет, умирающий забытым,
Хохлатый лютик и бледный ясмин,
Белую гвоздику и сияющую фьялку,

145

В черной ряби анютин глазок,
Душистую розу и нарядную жимолость,
Томные буквицы с поникшей головой,
Каждый цветик в своем пестром трауре.
Пусть померкнет амарант,

150

Пусть наполнится слезами нарцисс,
Устилаю лавровое ложе Ликида,
Пока тщетная наша мысль
Меж неверных отдыхает догадок:
Где прах твой,

155

Дальними омываемый морями, гремящими в берега?
У бурных ли Гебрид
В обнимающей волне
Нисшел ты к глубинным чудам?
Спишь ли, неподвластный слезным зовам,

160

Под древним сказочным Беллером,
Где мощный лик с хранимой им горы
Взирает туда, где Наманка и Байонна?
О архангел, оборотись и тронься!
О дельфины, вынесите злополучного на свет!

165

Не плачьте, скорбные пастыри, не плачьте!
Он не умер, Ликид, наша горесть,
Он скрылся под гладью вод,
Как солнце скрывается в океане,
Чтобы вскинуть вновь поникшую голову,

170

Просветлеть лучами и в новом золоте
Запылать на челе заревых небес,—
Так и Ликид
Доброй мощью Грядущего по волнам,
Опустясь на дно, вознесся в ту высь,
Где иные рощи, иные реки,

175

Где чистый нектар смоем ил с его кудрей,
И невыразимо зазвучит ему брачная песнь
Во блаженном царстве радости и любви.
Там приветил его чтимый строй угодников,

180

Там певучие сонмы движутся во славе своей,
И в очах навек высыхают слезы.
Не плачьте же, пастыри, о Ликиде:
Щедрая тебе мзда,
Дух твой отныне
Будет блюсти этот берег,

185

Осенья странников опасных пучин.
Так пел неумелый пастух
Дубам и ручьям
В час, когда рассвет шел ввысь в седых сандалиях.
На тонких скважинах свирельных стволов
Страстной думой ладил он дорийский лад;

190

И вот солнце простерлось по холмам,
И вот кануло в западные моря,
И он встал, окинувшись в синий плащ:

С новым утром к новым рощам и новым пажитям.

Университет

Вступительных экзаменов в МГУ я не сдавал: у меня была серебряная медаль, с которой тогда принимали по собеседованию. Спросили, что я читал из античной литературы, я долго перечислял, на полперечне вспомнил: «Ах да, Гомер». Больше вопросов не задавали.

Сейчас классическое отделение на филологическом факультете МГУ – одно из самых престижных. В 1952 году, наоборот, туда загоняли силою. Сталин под конец жизни захотел наряду со многим прочим возродить классические гимназии: ввел отдельное обучение и школьную форму, а потом стал вводить латинский язык. Для этого нужно было очень много латинских учителей, их должны были дать классические отделения, а на классические отделения никто не шел: молодые люди рвались ближе к жизни. Поэтому тем, кто не набрал проходной балл на русское или романо-германское отделение, говорили: или забирайте документы, или зачисляйтесь на классическое. На первом курсе набралось 25 человек, из них по доброй воле – двое; как все остальные ненавидели свою античную специальность, объяснять не надо. Прошло три года, Сталин умер, стало ясно, что классических гимназий не будет, и деканат нехотя предложил: пусть кто хочет переходит на русское, им даже дадут лишний год, чтобы досдать предметы русской программы. Перешла только половина; двенадцать человек остались на классическом до конца, хорошо понимая, что с работой им будет трудно. И, окончив курс, почти все остались так или иначе при античной специальности: преподавали в «пед» или в «меде». Кроме тех, кого увело в сторону осязаемое призвание – как В. Непомнящего, который сделался пушкинистом. Это значит, что на классическом отделении были очень хорошие преподаватели: они учили так, что студенты полюбили ненавистную античность.

Нас было две группы: в нашей греческий вел А. Н. Попов, латынь – К. Ф. Мейер, в параллельной латынь вел Попов, греческий – Ж. С. Покровская. С. И. Радциг читал историю литературы.

Заведующим кафедрой был Н. Ф. Дератани – партийный человек, высокий, сухой, выцветший; когда-то перед революцией он даже напечатал диссертацию об Овидии на настоящей латыни, в которой, однако, вместо *in Tristibus* всюду было написано *in Tristiis*. (Это правда.) Он уже был нарицательным именем: «Дератани» называлась хрестоматия по античной литературе, по которой учились сорок лет. Читал он нам историю латинского языка и авторов, очень скучно. Горацием я занимался у К. П. Полонской, однако на пятом курсе Дератани перечислил меня к себе, потому что предполагалось, что диплом я напишу хорошо.

Самым популярным был С. И. Радциг – белоснежная голова над черным пиджаком, розовое лицо, сутулые плечи и гулкий голос, которым он пел над замороженными первокурсниками строчки Гомера по-гречески и пересказы всего остального. Все фразы у него, и не только в лекциях, а и в разговорах, выгибали спины интонационными дугами и кончались гулкими ударами – никто из учившихся у него не мог этого забыть. Он читал общий курс античной литературы на всех отделениях филфака и даже на факультете журналистики, и когда выпускники при встрече обменивались воспоминаниями, то паролем было: «А Радциг!...». Но глубже, чем для первого курса, он не рассказывал никогда и ничего.

Больше всего мне дали преподаватели языков.

А. Н. Попов (тоже нарицательный: «Попов и Шендяпин» назывался учебник латинского языка) – с седой бородкой, круглый, быстрый, дирижирующий указкой, со вкусом выговаривал интонационную дугу протасиса и аподосиса. Ни на секунду не дававший отвлечься, он был особенно хорош, когда изредка отвлекался сам: прижимал глаза и диктовал для перевода на греческий стихи А. К. Толстого (условные предложения: «И если б – курган-твой-высокий –

сравнился бы! с полем пустым – то сла-ава – разлившись-далеко – была-бы-курганом-твоим») или приводил примеры из семантики, старой, понятной, по Бреалю («по-русски *клеветать* – от *клевать*, а по-гречески *диабаллейн* – *разбрасывать* худую молву, отсюда – сам *диавол* – *клеветник*»). Я бывал у него изредка и после университета и любовался его твердой и умной законченностью, но ничего нового в этих разговорах мне не открылось.

К. Ф. Мейер, медленный, усталый, с больной ногой, тяжело опиравшийся на палку с набалдашником в виде белого горбуна, не отвлекался никогда; но латинские склонения и спряжения выстраивались у него побатальонно с такой несокрушимой дисциплиной, что следить за ними было интереснее, чем за любыми отвлечениями. Я до сих пор не перестаю восхищаться его педагогическим талантом.

Все они были дореволюционной формации, все они пересиживали двадцать пореволюционных лет кто как мог: Дератани писал предисловия к античным книжкам «Академии» (выводя всех поэтов из товарно-денежных отношений, это было как заклинание), Попов, кажется, работал юрисконсультom, Мейер преподавал математику в артиллерийском училище. Когда перед войной филологию возобновили и С. И. Соболевский стал собирать преподавателей, Мейер сказал было: «Да мы, наверное, все забыли...», но Соболевский ответил: «Не так мы вас учили, чтобы за какие-то двадцать лет все забыть!» – и Мейер смолк.

Знали мы о своих учителях мало. Когда во время хрущевской оттепели Кремль открыли для посетителей, кто-то из нас спросил Радцига: «Сергей Иванович, а вы бывали в Кремле?» – «Я там жил!» (это было, когда в незапамятные времена он проходил военную службу, но когда и как, сказано было невнятно). Такие проговорки были редки, по-человечески мы представляли себе наших преподавателей плохо, и по молодой бесчувственности интересовались ими мало, хотя и бывали группами у них дома на предэкзаменационных консультациях.

Что такое наука, они не задумывались: наука – это то, чему их учили в молодости и чему они в том же виде должны были учить нас в старости. Древние языки нужно было знать, чтобы читать античных авторов, а читать авторов – чтобы знать языки. Изредка Попов, отвлекаясь, вспоминал хорошие книги, которые читал в молодости: того же Бреалья или «Тацита» Буассье. Или Радциг бранил переводы Вячеслава Иванова из Эсхила. Темы курсовых и дипломных работ были тоже на гимназическом уровне: условные предложения в «Меморabiliaх» или образ Креонта в «Антигоне». До них не добиралась даже советская идеология. Самостоятельным интересам было взяться неоткуда. О том, что в науке бывают нерешенные вопросы, мы не задумывались. Только однажды худенький А. С. Ахманов, рассказывавший нам историю греческой философии, мимоходом бросил: «Прежде чем спорить, что такое реализм, нужно договориться, что такое *res*». А в 1955 году В. Звегинцев, читая нам, второсортным – славистам, восточникам, античникам, краткий курс общей лингвистики, сказал: по такому-то вопросу такие-то думают так-то, такие-то так-то, а общего мнения нет. Это было ошеломляюще: до того нам с кафедры объявлялись только истины в последней инстанции.

Можно было дожить до диплома, не прочитав ни одной иностранной книги по своему предмету. Тем более, что новые языки мы знали неважно: один язык на первых двух курсах, а потом недолгие попытки факультативов или самоученичество. О том, что существует библиографический ежегодник «L'Année philologique», без которого не может существовать античник, мы не слышали ни разу: я узнал о нем случайно, в предисловии к какой-то английской книге было написано «сокращения в сносках – по АР», я подумал: «вот какой еще, оказывается, есть журнал», пошел искать, а меня направили в справочный отдел. Эта старозаветность переменилась уже после нас – когда заведовать кафедрой стала Тахо-Годи, а среди студентов оказался Аверинцев. «Когда К. П. Полонская вслед за Аверинцевым вместо “новая комедия” стала говорить *neа*, мы поняли, что началась другая эпоха», – сказала мне Т. Васильева.

На первом курсе курсовые писали по русскому языку, на втором (когда праздновался 2400-летний юбилей Аристофана как борца за мир) я писал сопоставление, по-нынешнему

выражаясь, структурных особенностей «Мистерии-буфф» Маяковского и комедий Аристофана, которые знал, конечно, только по переводу. Потом, вплоть до диплома, писал о литературных сатирах и посланиях Горация: пробовал увязать их с общественной и политической борьбой при Августе. Вот и влияние советской идеологии: ему ничуть не мешал мой интерес к русским формалистам, которые были совсем не в моде.

Способностей к языкам у меня не было, поэтому я сразу уклонился не в языки, а в литературу. По-латыни читать было легче, чем по-гречески, поэтому латинской литературой я занимался больше – читал сверх программы Светония и Валерия Максима. История языков преподавалась скучно, Эрну и Нидерман были сухи, а общее языкознание нам дали только поздно и кратко – жаль. Трудно ли было учиться? Интересному – нетрудно, а скучному труднее, как всегда. Интересов, кроме учебы, у меня не было (ходил на лекции Бонди по стиховедению, но это тоже учеба), характер у меня необщительный (с одноклассниками два года оставался на «вы»), поэтому о студенческой жизни рассказывать не решаюсь. Курсом старше нас на классическом училось только три человека, а перед этим три года приема на отделение вообще не было, так что и тут – ни общения, ни преемственности. Легенд на кафедре не было, а если и были, то до нас не доходили. Им неоткуда было взяться: классическая филология всего пятнадцать лет назад была восстановлена как наука, а до этого пятнадцать лет не существовала. При нас на подоконниках стояли коробки с кучами старых бумаг – это были аккуратно написанные от руки программы курсов, распланированных еще в войну в Ашхабаде, где воссоединился факультет.

Учился я главным образом по книгам и потом объяснял молодым студентам: «Университет – это пять лет самообразования на государственный счет, с некоторыми помехами, вроде посещения лекций, но преодолимыми».

Имли

В Институте мировой литературы – на Поварской, бывшей Воровского, бывшей опять же Поварской, – я прослужил тридцать лет и три года. До мировой литературы в этом доме было управление коннозаводства, а до коннозаводства – дворянский особняк: желтые стены, белые колонны, в бельэтаже – музей Горького, свет и блеск, в тесном и темном нижнем этаже – институт.

Актальный зал – бывший бальный, с хорошей акустикой. Но концы поменялись: где был оркестр, там рядки стульев, а где танцевали, там зеленый стол президиума и кафедра с капризным микрофоном. Шепот в зале хорошо слышен в президиуме, а речи из президиума плохо слышны в зале.

Над президиумом огромный черный бюст Горького. Когда, скучая на заседаниях, смотришь на него, то видишь, что он противоестественно похож на Ленина: как будто Ленину надели косматые волосы и усы буревестника. По стенам были витрины про мировое значение Горького: обложки по-арабски, афиши по-венгерски, фотографии «На дне» по-китайски. Потом витрины убрали, а в углу под потолком повесили строем фотографии директоров института за 40 лет: от Луппола до Сучкова.

Когда реабилитировали Луппола, в стенгазете напечатали статью «Первый директор нашего института». Перед газетой стояли Егоров и Наркирьер. Один сказал: «Ну вот, уже можно писать историю института». Другой ответил: «Нет, знаете, лучше подождать: ведь Луппол был не первым директором, первым был Каменев».

Когда я поступал в институт, директором был старый рапповец Анисимов: большой, рыхлый, побрякивающий, покрикивающий. Когда молодой Палиевский, либерально призывая свежим взглядом взглянуть на советскую литературу, спешил оговориться: «... нет, конечно,

Авербах был злым гением РАППа», – то Анисимов, раскинувшись в кресле, благодушно ворчал: «Ну, какой же Леопольд гений? помните, Яков Ефимович?..»

(Яков Ефимович, Жорж Эльсберг, тучное туловище, гладкая голова и глаза, как пули. У него припечатанная слава доносчика и губителя. Выжившие возвращались и даже пытались шуметь, но он все так же величаво управлял сектором теории. О разоблаченном Эльсберге кто-то сказал: зачем бить лежащего? Столович ответил: «Он не лежащий, он ползучий». Я не был с ним знаком, но однажды он остановил меня в коридоре, сказал: «Ваша статья о Горации мне понравилась» – и пожал руку. Когда буду писать «мои встречи со знаменитыми людьми», напишу: видел в подворотне Пастернака, чокнулся с Игорем Ильинским, на военном деле меня учил маршировать Зализняк, а Эльсберг пожал мне руку.)

Читать статьи Анисимова никто не мог. И все-таки старая М. Е. Грабарь-Пассек смотрела на него снисходительно. «Вы не думайте, я много преподавала на рабфаках, знаю эту породу из низов, они хорошо рвались к науке. Ну а потом, конечно, каждый делал свою жизнь по-своему».

Самый громкий из рапповцев, Ермилов, демагог всех литературных режимов, тоже кончал век в ИМЛИ. Я его не видел, а только слышал: общеинститутские собрания были многоллюдны, не вместившиеся в зал слушали из-за дверей, с широкой балюстрады над мраморной лестницей. У Юрия Олеши в «Трех толстяках» был такой капитан Цереп, от голоса которого возникало ощущение выбитого зуба. Вот такой голос был у Ермилова. О чем он говорил, я не помню.

В этом же зале, в красном и черном, говорились гражданские слова над умершими, и с балюстрады было видно, как по лестнице сплывал в толпе гроб с Анисимовым. Лицо в гробу было похоже на кучу теста.

Здесь же выдвигали на большую премию воспоминания генерального секретаря товарища Брежнева: «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Д. Д. Благой, ветеран идеологической пушкинистики, – круглая голова в тюбетейке, розовая улыбка и незрячие глаза за очками – с ликующим звоном в голосе восклицал, что это классика исторической прозы, достойная стоять рядом с «Капитанской дочкой» и «Тарасом Бульбой». Зачем он это делал? – спрашивала потом Л. Я. Гинзбург, – член-корреспондентом он уже был, а полным академиком все равно не стал бы. Значит, бескорыстно, по велению души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.